

ПОСТОЯННОЕ

НАПРЯЖЕНИЕ

РОМАН СЕНЧИН

Роман Валерьевич Сенчин

Постоянное напряжение (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27801403
Постоянное напряжение (сборник): Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-089970-8

Аннотация

Герои представленных в книге рассказов – жители мегаполисов, маленьких городков и деревень. Казалось бы, разные, они очень похожи друг на друга. Задавленные грузом схожих проблем, они незаметно проживают свои тихие жизни. Одним из ярких представителей народа, населяющего мир Сенчина, можно назвать охранника Назарова, который крепко держится за свой рабочий стул и трясется от мысли, что же будет, когда ресторан закроют. Автор безжалостен к своим героям и предельно честен с собой. Он не рассуждает, но констатирует, предоставляя читателям возможность самим ставить вопросы и находить ответы.

Содержание

К мужу	5
Пусть этот вечер не останется...	28
Проблема	53
Зима	62
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Роман Сенчин

Постоянное напряжение (сборник)

© Сенчин Р., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

К мужу

– Ты на хрена воду из морозилки в фарш херачишь? – с возмущением, будто эту воду лили ей на голову, спросила Светлаха.

– От ледяной фарш сочнее будет. Женя любит сочные пермячи.

Разговаривать Марине не хотелось, но – надо. Если не отвечать, не реагировать на Светлаху, она запросто могла вышвырнуть.

– М-м, сочные любит... – Светлаха сморщилась. – Сперва сядут, а потом все чины выведут.

Она была злой на парней и мужиков на зоне, а девушкам и женам, которые приезжали их навещать, сочувствовала. Но требовала сочувствия и к себе. Столько этих откинувшихся зёков прокочевали через ее избушку, и ни один не задержался. И вряд ли уже кто задержится.

Светлахе далеко за полтинник, худая, изожженная плохой водкой и спиртом, не верящая в мужчин...

– Женя из еды никогда ничего не просил. Это я с тех пор помню... Ну, – Марина споткнулась, прошлое показалось ей выдумкой, ее девичьей фантазией, которую она до сих пор хранит, оживляет в себе, – ну когда вместе были.

– Двадцать кэгэ макарон – и пускай радуется. – Но видимо, почувствовав, что перебарщивает, надо смягчиться,

Светлаха махнула рукой: – Как знаешь. Жарь, мне газа не жалко.

Не вслух, конечно, про себя, Марина усмехнулась:

«Ну дак, не жалко – пятьсот рублей получила, чтоб я тут могла...»

Изба Светлахи давным-давно служила этакой кухней для женщин, приехавших издалека, чтоб приготовить домашние блюда. Запекали бараньи ноги, варили борщ с мозговой костью, лепили пельмени, манты, поэмы, пекли пироги... Женя очень любил пермячи. Такие пирожки вроде беляшей, но плоские, с кружочком открытого мяса, из несдобного теста. Говорит, бабушка ему в детстве такие жарила. И вот уже пять лет, с тех пор как Женю перевели на эту зону, Марина в этой избе жарит пермячи. И всякий раз Светлаха возмущается, злится, а потом машет рукой...

Порезала тесто на ровные доли, раскатала, положила на каждую лепеху пахнувший луком и перцем фарш. Не рассчитала, и фарша осталось прилично. «Ладно, – решила, – пускай остается Светлахе. На котлеты».

Стала заворачивать тесто и облеплять фарш. Сразу жарить не надо – пусть постоит. Будет вкуснее.

А время уже поджимало. Через час сквозь поселок поедет маршрутка, а через два нужно быть в домике, где приехавшие на свидание пишут заявления и перечень продуктов и вещей, потрошат сигаретные пачки, разворачивают конфеты. В общем, готовятся к досмотру... Потом приходит ин-

спектор и собирает заявления. Опаздывать нельзя.

Семь лет Марина видится с Женей по трое суток два раза в год. Два года на одной зоне, а пять лет – здесь.

Их поселяют в маленькой комнате с фанерной дверью. Они спят вместе на скрипучей, с ямами, будто нарочно сделанными для неудобства, кушетке. Марина будет кормить Женю привезенными салатами, пермячами, готовить хоть и простую – борщ настоящий на тамошней кухоньке не сварить, пирог не испечь, – но все же домашнюю еду; они даже в душ могут ходить вместе...

Жене дали десять лет за участие в преступном сообществе. Хищения, торговля наркотиками, угрозы убийства... Обвинения во время следствия и на суде были страшными, ущерб огромным; казалось, укравшие, наторговавшие столько должны быть богатеями. А в клетке сидели восемь молодых, щуплых, с недоуменными лицами парнишек со станции эстэо. И никаких особых денег у них не обнаружили, никаких дворцов и яхт. Да и какие дворцы и яхты в их городке из пяти улиц, на речке, в которой самое глубокое место по пояс...

На первых свиданиях с мужем Марина спрашивала: «Это правда? Правда, что вы все это делали?» Женя кривил лицо: «Подстава». И давал понять – подставили такие серьезные люди из области, что лучше оттянуть десять лет, чем сопротивляться. А может, и не подставлял никто. Иногда против воли Марине начинало мечтаться, что вот выходит Женя, и

они уезжают далеко-далеко, в какой-нибудь полусказочный Сочи или вообще за границу. И дальше, как в фильмах – Женя привозит ее к огромному дому на берегу моря и говорит: «Вот, здесь мы теперь будем жить». А у длинного пирса покачивается на лазурных волнах белая яхта. Небольшая, но с такой уютной каютой...

Взяла тяжелую, всю в рытвинах чугунную сковороду, поставила на плиту. Бросила на сковороду кусок животного жира – на растилке не так вкусно получается. Подождала, покрутила сковороду, чтобы жир растекся равномерно. Принялась выкладывать пермячи дырочками вниз... Чувствовала на себе печальный взгляд Светлахи.

Кто ее называл так? Наверное, какой-нибудь из первых ее мужчин, из тех, кого она любила. Поэтому и прижилось, и при знакомстве она гордо представлялась – Светлаха. Этакая своя деваха, кровь с молоком. А на самом деле, и она это быстро вспоминает, – сморщенная копченая селедка.

А Марина еще ничего, еще держится. Двадцать семь лет. Детей, правда, нет, хоть и стараются с Женей на каждом свидании. Но может, это так и правильно, что пока не получается. Не дает бог. Вот выйдет Женя, или по крайней мере на поселение переведут, и случится.

– Попробуешь? – переноса первые пожаренные пермячи из сковороды в термоящик, предложила Светлахе.

– Да чего их пробовать? Я ж знаю – ты у нас мастерица. Вообще, знаешь, люблюсь тобой... Но жалко.

Марину толкнуло заспорить, что нечего ее жалеть, все уж точно не хуже, чем у нее, Светлахи. Проглотила толчок, лишь пожалала плечами: «Как хочешь».

Вкусный запах разбудил аппетит. Но есть сейчас было неудобно, да и уже некогда... Марина прибралась на столе, помыла сковороду, упаковала сумку.

– Что ж, – вздохнула с сожалением и облегчением, – пошла я. Спасибо, Света.

– Не благодарю... Я понимаю. Да и твоя пятихатка агонию мою на недельку продлит. Еще вот мяса оставила. Тебе, в общем, спасибо.

Мороз ударил сразу, в сенях. Перехватило дыхание. Середина марта, а давит совсем зимний, под тридцать... Вышла во двор, тесный, заваленный ломаными – на топку – досками, нераспиленными бревешками... Может, часть этой пятихатки Светлаха потратит, чтоб нанять местных попилить, поколоть бревешки. Пить она вроде не особо пьет. Марина не видела ее пьяной... Чего не хватило, чтоб сложилась жизнь?..

Сумок было две, не считая маленькой, женской. В одной продукты, в другой шлифовальные диски, тубы с клеем, какие-то уголки, которые по заказу Жени она накупила в строительном магазине. Ему надо хорошо работать, чтобы скорее перевели на поселение, а для перевыполнения плана необходимы вот эти диски и прочее. Там, на зоне, ничего у них нет – хоть пальцем болты закручивай.

Небо чистое, светло-светло голубое. Совсем как то море, какое виделось Марине в ее невольных, ненужных, но, наверное, спасительных от уныния мечтах... Снег хрустел оглушительно, как рассыпанный сахар. Избы были черные, какие-то все кривые, и напоминали полегшее стадо огромных буйволов. Или мамонтов... Тут часто находят кости мамонтов... А деревья были прекрасны – все в снежном пуху. Как в фильме «Морозко».

Марина старалась отвлекаться такими мыслями, чтобы не чувствовать тяжести сумок. Но в конце концов в голове осталось одно: сейчас поставлю, сейчас поставлю и отдохну. Цеплялась взглядом за очередной столб вдоль улицы, приказывала себе дойти до него, а дойдя, цеплялась за следующий: лучше до этого.

Нет, всё. Опустила свои клетчатые баулы на утоптаный снег. Разогнула спину, выдохнула густым, плотным столбом пара. Под пуховиком, кофтой, майкой струйками бежал горячий пот. Щипал кожу возле лямок лифчика...

Стоять так, без дела, было глупо и обидно. И накатывала тревога – я вот так стою, а маршрутка уже подъезжает к остановке, я стою, а она уезжает... График движения тут соблюдается относительно. Десять-пятнадцать минут плюс-минус в порядке вещей.

Подхватила сумки и сразу почувствовала, что руки совсем не отдохнули. И внизу живота стало давить... Зря столько набрала. Но все нужное. Да и, по сути-то, что тут весу – по

десять с небольшим килограммов в каждой сумке... Что ж она такая слабая стала?

Но позади был день в поезде, потом почти день в край-центре в ожидании автобуса в этот район, за который она на-купила колбасы, сметаны, масла, кефира, еще разного, что быстро портится. Вчера поздно вечером притащилась в из-бушку Светлахи, спала часа четыре, а утром стала готовить пермячи... Конечно, устала. Ну тут уже близко до остано-вки – вон тот переулок, и там уже главная улица. Слева почти сразу столб с рамкой, в которой когда-то было расписание движения автобусов...

Сзади загудело. Марина подалась в сторону. Еще собьют.

Проползла фиолетовая, с пятнами ржавчины по низу ку-зова «Газель» и, почти перекрыв путь Марине, остановилась. Передняя пассажирская дверь открылась, высунулась голова мужчины в черной ушанке.

– Далёко? – спросил мужчина. – Если что – могу подвезти.

– Да мне тут... Мне рядом. – И она стала обходить «Га-зель»; разговаривать, а тем более ехать с незнакомым было опасно.

– Вы не бойтесь. Я верующий, – сказал мужчина. – Я ж вижу – на зону. А я по той дороге как раз...

– У меня с деньгами плохо.

– Да не надо денег. Грузись, и поехали. Я не обижу. Чест-но.

И Марина послушалась. Откатила боковую дверь, впих-

нула в салон сумки, забралась сама. «Газель» толчком тронулась.

С минуту водитель молчал, и Марине было хорошо в эту минуту, а потом – начал:

– Эх, сколько вас мотается, бедные вы женщины... Судьба... И ведь бесконечен этот круг. Бесконечен. Его разорвать надо. Выйти из круга этого. Праведно жить... Это трудно, согласен, но надо. Иначе – ад. И земная жизнь адом будет, и потом...

Он помолчал, видимо, ожидая слов от Марины. Марина не отвечала... Водитель покопался рукой рядом со своим сиденьем, достал тоненькую книжицу.

– Вот, почитайте, пожалуйста. – Протянул Марине. – Может, мужу передадите. Ему полезно будет.

Марина приняла ее, глянула обложку. «Сторожевая башня». На картинке рука тянется к кошельку с деньгами. Ниже подпись: «Стоит ли быть честным?»

– Спасибо.

Конечно, это она Жене не отдаст. Да и не разрешат наверняка. Любая литература уходит на проверку в особый отдел, а «Сторожевая башня», как она где-то слышала, чуть ли не запрещена. Сектантство, что ли...

Убрала подарок в маленькую сумку. Старалась не слушать возобновившийся монолог водителя... Берedit, прямо режет душу своими простыми вроде бы, но такими сложными в реальной жизни истинами. Спасибо еще, вопросов не за-

дает, не расспрашивает, за что мужа посадили, исправляется или как...

Смотрела из салона в ветровое стекло, торопила «газельку». Скорей бы увидеть зону, скорей бы доехать.

Дорога петляла через перевал, огибая вершины. Машина то ползла еле-еле, задыхаясь и отчаянно взрывая, то катилась легко, мотора становилось не слышно. Только свист ветра. По обочинам среди валунов и гольцов торчали совсем мертвые сейчас лиственницы, кривые березки, и лишь иногда радовали густой зеленью сосны.

А, вот знакомый поворот. Крутой, слепой; дорога здесь сужается, обтекая выпирающую скальную стену. С другой стороны – ущелье. Машины снижают скорость до предела, крадутся, водители высовываются из окон, стараясь разглядеть, пуста ли дорога впереди. Встречки на этих сотне-другой метрах практически нет, и два грузовика разъезжаются с великим трудом.

За поворотом же начинается долгий пологий спуск, и внизу – зона. Отсюда, сверху, среди тайги она представляется какой-то базой инопланетян. Высоченные бетонные стены, какие-то то ли ангары, то ли цеха с полукруглыми белыми крышами. Впечатление, что под этими крышами могут храниться только летающие тарелки... Труба, но странная, тоже белая, толстая, заметно сужающаяся кверху. И повсюду развешаны огромные зеленоватые сетки. Марина знает их назначение, но ей каждый раз представляется, что это какая-то

маскировка... Даже вышки необычные, похожи на башенки или маяки.

Но вблизи зона вполне себе земная. Бродят недалеко от стен какие-то старики, будто томясь свободой, ходят торопливо мужчины и женщины в военной форме; в полукилометре находится деревушка, и домишки ее такие ветхие и убогие, вокруг такая грязь, что Марина ни разу не решилась узнать, можно ли где-то здесь жарить свои пермячи.

– Спасибо, вот тут я выйду, – сказала водителю.

Тот стал тормозить и остановил «Газель». Дождавшись, пока Марина вытащит сумки, сказал назидательно:

– Вы подумайте над тем, о чем я говорил. Ведь так можно всю жизнь промучиться, а вы вон какая еще молодая.

– Хорошо, хорошо. Спасибо.

Когда Женю посадили, Марина начала выяснять о порядках в тюрьме, колонии, какие свидания предусмотрены, передачи, посылки. Их тогда человек двадцать собралось – родители, жены, девушки, братья, сестры посаженных... У Марины появились приятельницы – девушки, женщины, чьи парни, мужья, родные находились в заключении. И чего только от них она не наслушалась. Как обыскивают, заставляя раздеваться догола, забираясь руками в резиновых перчатках во все отверстия, даже веки оттягивают, чтоб убедиться, что ничего запрещенного за ними нет...

На первое длительное свидание Марина шла на подкашивающихся от страха и стыда ногах. Ее даже вырвало чем-то

желтоватым и горьким... Но обыска как такового не было. По крайней мере как описывали приятельницы. Всё прошло благополучно.

А теперь на свидания она ездит как на работу. Деловито, сосредоточенно. Всё изучив за эти годы, отточив движения.

Вот домик рядом со стеной. Он довольно приличный по сравнению с теми, в деревушке. Этот домик для тех, кто приехал побыть с заключенными. Вернее, подготовиться.

Марина втащила сумки, упала на скамейку. Отдохнуть. Время еще есть... Отдохнуть, а потом приняться.

За длинным, через всю единственную комнату, столом уже сидят женщины, работают. Одни распаковывают сигаретные пачки, вытаскивают фольгу и кладут сигареты обратно, разворачивают конфеты и бросают их в один целлофановый пакет, а фантики – в другой; потом будут вместе с мужьями, женихами, отцами заворачивать обратно... Другие, разложив продукты, вещи, заполняют бланки: сколько чего привезли. Два килограмма копченой колбасы, пять пакетов макарон по пятьсот граммов, три плитки шоколада (из которого тоже нужно вынуть фольгу), три пачки кефира... Третьи пишут заявления на свидание; вообще-то заявления уже месяца два-три как пересланы в колонию, но требуется написать еще раз здесь – типа, прибыли, просим предоставить...

Марина поднялась и стала разгружать свои сумки. То же самое предстоит сделать и ей.

Минут через десять в домик вошла огромного – за два

метра – роста, крупная, но не толстая, не грузная женщина. Женщина-богатырь. Это инспектор Надежда Юрьевна. Она незлая, даже пусть со специфическим, но чувством юмора, но при ее виде Марина всегда теряется, обмирает. Словно в чем-то виновна, и сейчас Надежда Юрьевна возьмет ее двумя пальцами за шею и посадит в камеру.

– Здорово, девчата! – говорит инспектор, не повышая голоса, но воздух в комнате вздрагивает. – Готовы?

– Здравствуйте... Почти... Сейчас закончим...

– Так, сдаем заявления.

Шурша бумажками, люди по одному подходили к Надежде Юрьевне. Та бегло просматривала текст.

– А это что за курица лапой? Ни слова не понять... и перечеркано.

– Волновалась, – лепечет молоденькая девочка.

– Все волнуются... Первый раз, что ли?

– Да...

– К кому?

– К брату.

– Краткосрочное у тебя?

– Да... Там указано.

– Указано... Говорю ж, ни слова не понять... Ладно. Так, – и от этого «так» воздух снова вздрагивает, – закругляйтесь, и через десять минут – у двери. Все знают дверь?

– Все... Да...

– Кто не знает – идите за остальными. И предупреждаю, –

инструктор грозно оглядела стол с горами продуктов, – без сюрпризов в передачах. Всё найду, а неприятности вам надо?
– Нет... Не надо.

Надежда Юрьевна уходит. Все облегченно опускаются на лавки и стулья. Выдыхают, и словно бы слышится в этих выдохах: слава богу, пронесло-о...

Шуршат фантиками, скрипят фольгой интенсивнее, и Марина тоже торопится. Кто раньше подойдет к двери, тот скорее пройдет досмотр, вселится в лучшую комнату. Вторая от кухоньки комната – самая лучшая. Она небольшая, зато в ней одна широкая кровать, крепкий стол, шкаф для одежды. И решетка широкая, сквозь прутья можно в форточку голову просунуть и сделать несколько затяжек сигаретой. Женя курит, а во время свиданий нельзя теперь. Ни курилки, ничего. Он мучается, и близость с ней ему, она чувствует, не очень-то в радость... Издевательство, конечно, запрещать курить три дня человеку...

Хорошо, что многое дома, а потом у Светлахи подготовила. Сгребла то, что вынимала, обратно в сумки и побежала к двери. Ну как побежала – со стороны это наверняка выглядело потешно: сначала выбрасывает правую сумку вперед, делает шаг, потом – левую, и новый шаг. Такой вот бег с нагрузкой...

По дороге вспомнила про брошюрку, вынула из сумки, бросила на землю так, словно бы случайно... Хорошо, что вспомнила – там, на обыске, из-за любого пустяка сложности

могут возникнуть.

У двери уже топтались две женщины. Марина и не заметила, как они покинули домик. Тоже с сумками, друг с другом не общаются. Порознь... Эх, накрывается удобная комната.

Дверь была в глубине стены и напоминала вход в штольню или туннель. Крепкая стальная дверь с глазком. Подобные, наверное, и в камерах... Марина много расспрашивала, как живет Женья, и он рассказывал, смотрела передачи, ролики в интернете, и все равно по-настоящему не могла представить как, что, как возможно жить без часа одиночества столько лет, спать среди храпящих, сопящих, стонущих во сне мужчин. «Это как в армии, – усмехался Женья, – почти».

Не могла она представить, как и сама прожила эти годы. Каждый день был мучительным, непереносимым, а глянешь – вот уже три месяца прошло, вот полгода, год... И ее родители, и родители Жени помогали, поддерживали, но все равно она была одна. Одна, без мужа.

В первые три года родители Жени часто писали ему письма, с нетерпением ждали дня, когда можно отправить посылку, ездили на свидания, а потом... Устали, что ли, отчаялись, потеряли веру, что он когда-нибудь выйдет. Может, и обиделись всерьез, до смерти, что обрек их на такую старость своим сроком. И когда Марина заговаривала с ними о Жене, они каменели, отвечали односложно, через силу. Зато ее любили и жалели, и все чаще намекали, чтоб меняла как-то

жизнь, не губила лучшие годы.

Дверь хрустнула засовами, открылась, и вышли парень и девушка в новеньких камуфлированных бушлатах. Улыбались друг другу игриво.

– Ты меня, Настьк, на понты не бери, – говорил парень, – где ты училась, я там – учил. Знай.

– Ой, ой, – отозвалась девушка, – бугор шестого барака. Видали...

Они прошли мимо женщин и мужчин, выстроившихся вереницей, направились в сторону деревеньки.

Марина достала из кармана мобильный, посмотрела время. Десять минут, объявленные Надеждой Юрьевной, давно истекли. Да это и неудивительно – бывает, по полчаса стоишь здесь, по сорок минут... И подумав, что действительно можно ждать входа внутрь еще долго, Марина почувствовала, что замерзает.

Вроде и одета хорошо, а продирает... Может, от того, что не ела путем давно. Так, хватала куски торопливо... Стала шевелить пальцами ног, качать плечами, разгоняя кровь. Пробовала снова о чем-нибудь задуматься, отвлечься от ожидания.

Не получалось. И люди впереди и сзади не разговаривали, лишь тяжело вздыхали иногда. Как на похоронах... Да что уж – наговорились, наобсуждались. Теперь вот-вот увидят своих родных. Одни, кто на кратковременное свидание приехал, – за толстым стеклом, разговаривая при помощи теле-

фонных трубок, другие, кто на длительное, – смогут обнять, побыть вместе целых трое суток...

Дверь вновь скрежетнула, закрипела. Приоткрылась. Дежурный выкрикнул:

– Первая двойка – войти!

Те женщины перед Мариной схватили сумки, скрылись за дверью. Дверь хлопнула, скрежетнула, лязгнула.

Сейчас их досмотрят, пропустят, и тогда очередь дойдет до Марины. Это минут через пятнадцать...

Но дверь открылась почти сразу, выплюнув женщин обратно. Они с искаженными лицами бросились к домику для приехавших на свидание.

– Следующая двойка, – голос дежурного, – войти!

Вошли и пошли по темному коридору; за спинами тут же торопливо заскрежетали засовы, словно дежурный боялся, что этот путь внутрь зоны начнут штурмовать.

– Остановились! – приказ.

Дежурный обогнал их, уселся за стол.

– Запрещенные вещи есть?

– Нет, – сказала Марина.

– Нет, – подтвердила пожилая, сухая женщина рядом с ней.

– Средства связи, электронные приборы, эти... планшеты имеются?

– Телефон.

– Телефон.

– Кладем вон в те ячейки. Ключ оставляем у себя.

Черт, домой-то не позвонила! Не сообщила, что добралась. Но сейчас уже поздно – пока будет звонить, эта пожилая обгонит, займет ту комнату. Ладно... Поймут, может, не будут с ума от волнения сходить.

Отключила мобильник, положила к ячейку, замкнула, ключ спрятала в кармашек сумочки, рядом с документами.

– Запускай одну! – Из глубины помещения голос Надежды Юрьевны.

Пожилая шагнула туда, но Марина ловко ее оттеснила:

– Извините, я была первой.

Пожилая сразу сдалась.

– Список сделала? – встретила ее Надежда Юрьевна. – А, это ты. – Узнала, приняла бумагу. – А то тут две влезли – без заявления, без списка... Побежали писать. Ты-то опытная у нас. Как тебя, Маша?

– Марина, – пискнула Марина.

– Ну давай глядеть, чего тут у тебя.

Марина стала выкладывать продукты, одежду, белье, диски, прочее на стол. Надежда Юрьевна то на глазок, то бросая на весы, определяла вес продуктов.

– Всё едешь, – приговаривала, – давно ведь едешь... Давно?

– Сюда пять лет.

– И сколько осталось?

– Три... Должны уже на поселение отпустить...

– Кто эт должен? – усмехнулась инспектор. – А, Мариш, кто должен-то?

– Я так... Могут перевести на поселение.

– М, это другой разговор. Посчитают нужным – переведут.

Надежда Юрьевна меж тем открывала пакеты с кефиром, совала туда железную спицу, ерзала ею внутри, отыскивая что-нибудь запрещенное. Потыкала сливочное масло, кусок грудинки. Взяла в левую руку палку твердой сырокопченой колбасы, а в правую нож и раскромсала палку пополам по-доль одним движением... Марина и кружочек такой колбасы отрезает с трудом, не отрезает даже, а скорее отпиливает...

– Ух, запах-то! – вздохнула инспектор. – Чего такое?

– Пермячи... Пирожки такие.

– Да знаю... Теплые! Когда успела-то, подруга?

– Утром.

Мимо прошел тонкий парень лет двадцати пяти, а может, и моложе. С интересом глянул на Марину.

– Игорёк, ты полы в номерах помыл? – тормознула его инспектор.

– Угу.

– Все?... Точно? Я ведь с платком пройду, проверю. Антисанитарии нам только не хватает...

Марина знает про Игорька – Женя рассказал. Он опущенный.

Раньше Марина думала, что опустить могут только за ка-

кой-нибудь страшный проступок, что стать опущенным – это почти верная смерть, что их постоянно унижают, бьют, насилуют. А оказалось, что опущенные живут почти так же, только в стороне от остальных. Скорее моральные унижения, чем физические.

Этот Игорек стал таким по идиотскому, по мнению Марины, поводу... Как-то он разоткровенничался, что целовал свою девушку между ног. Его выслушали, похвалили, а потом главный в бараке подозвал к себе, провел тапком по губам и отправил туда, где лежали опущенные.

Женя тоже целовал ее там, целует и теперь во время свиданий, но не рассказывает. И его уважают...

– На работу-то ходит твой? – спрашивает Надежда Юрьевна.

– Да, конечно.

– Эт хорошо. Значит, переведут на поселение. А эти блатные – годами на нарах лежат и будут до звонка париться. Вместо того, чтоб ударным трудом... Это, – с продуктов инспектор переключилась на диски, уголки, – ты ему, что ль?

– Да, Женя просил для работы как раз. Получил разрешение.

– Что-то мне не передавали. Пускай вот здесь с краю полегит, я узнаю... Сдвинь на край. Сумку свою покажи.

Марина вывалила содержимое своей сумочки. Заранее убрала всё лишнее. Остались расческа, губная помада, тени, документы, прокладки...

– Ладно, ладно, хорошо. – И без паузы Надежда Юрьевна рывкнула так, что вновь колыхнулся воздух: – Пашу-унь!

Через десяток секунд появился невысокий военный с маленькой собачонкой. Собачонка как-то ошалело обнюхала Марину, потом, когда ее подняли, продукты, одежду, диски, сумочку, тени и потеряла ко всему этому интерес. Значит, порядок. Наркотиков нет... Собачку увели.

– Ну всё, подруга, занимай номер.

– Спасибо.

– Да не за что, всегда рады... Следующий!

Марина стала носить продукты в ту удобную, о которой мечтала, комнату.

Ну вот, всё получается. Только родителям не позвонила, дура. А теперь трое суток она без связи. Никуда не выйти. Мир будет ограничен комнатой, коридором, кухонькой и туалетом, душем... Что ж, ладно. Недолго осталось. Недолго по сравнению с тем, сколько пережили.

Скоро поселение. Туда можно ездить хоть каждую неделю или вообще поселиться вместе в ближайшей к колонии деревне.

Устроиться какой-нибудь уборщицей, посудомойкой. Санитарная книжка есть, недавно обновила...

– Здравствуйте, Марина, – сказал ей Игорь.

– Здравствуйте. – В груди приятно кольнула радость: «Имя помнит». – Здравствуйте, Игорь.

– Я слышу, Евгений о вас часто вспоминает. Ждет очень.

– Хорошо. – Болтать было некогда, да и неизвестно, можно ли с такими болтать, вдруг это Жене повредит. Еще доносят старшим там, смотрящим, приплетя еще всякое. – Извините, тороплюсь.

– Да, да, я понимаю... А меня девушка моя не дождалась. После прошлой Пасхи замуж вышла. А ведь меня из-за нее и посадили, и потом много чего было...

– М-да, Игорь, сочувствую. Всё наладится. – Марине захотелось угостить его конфетами или шоколадом, но не решилась; Женя придет, спросит, можно или не надо. – Наладится...

– Наверно.

Наводила в комнатке уют. Протерла своей тряпкой стол, тумбочку, застелила постель домашним бельем, на спинку стула повесила любимую Женину клетчатую рубашку. Привозила специально каждый раз, чтоб походил тут три дня, по-другому себя почувствовал.

Стала накрывать на стол... Да, пермячи еще теплые, но если что, подогреет в духовке. На кухоньке есть старенькая, почему-то кособокая электрическая плита... Подогреет...

Времени-то столько? По привычке полезла в карман пуховика за телефоном.

– Черт! – рассердилась на себя, вспомнив, что телефона теперь нет, а часы не взяла. Совсем перестала ими пользоваться, а тут ведь без них как... У Жени есть, но тем не менее... Вот сколько времени прошло, как она здесь? Может,

десять минут, а кажется, что больше часа. Когда ждешь, время всегда тянется...

Пошла на кухню, где уже орудовали несколько женщин, выбрала из шкафа тарелки получше, вилки, ложки, помыла, вытерла своим полотенцем, отнесла в комнатку... Что еще... Присела на край кровати. Ждать.

В коридоре радостные восклицания. Кого-то уже привели. Встреча, объятия. Сейчас поедят и лягут... Будут вместе... Еще радость, быстрые шаги, скрип двери.

За тонкой, наверняка из какой-нибудь сухой штукатурки стеной, той, что сейчас у Марины за спиной, возня, а потом сдавленные стоны... Слушать чужую любовь было больно.

Не выдержала, вышла в коридор. Он пуст. Лишь Игорек трет шваброй пол возле стола досмотра.

Осторожно прошла к кабинету Надежды Юрьевны. Та сидела за столом и что-то писала в большую учетную книгу. На лице – мука и страдание.

– Надежда Юрьевна, – позвала.

– Ась?.. Чего, подруга?

– А что-то мужа до сих пор нет... Все уже вроде пришли...

– Муж – это кто?

– Женя... Евгений Потапов.

Лицо инспектора оживилось:

– А, Потапов-то! Потапов твой не придет.

– Как не придет? – И внутри Марины словно что-то оборвалось, по-настоящему оборвалось; оборвалось в груди и

упало в живот. – По... почему не придет?

– А потому что беспредельщик. Драку устроил, нос человеку разбил. Позвонили, сказали... Так что вместо тебя, подруга, он суток на пять в ШИЗО по уши занырнет.

Марина не хотела плакать. Не хотела выглядеть перед этой теткой-великаншей слабой и беззащитной. Но чувствовала – лицо, как бывало в детстве, когда ее обижали, стало сжиматься, кривиться. Сейчас-сейчас зарыдает.

– Да ты не переживай, Марусь, пиши новое заявление, через месяцок-другой увидитесь... Ну-ка не ной тут! Я слёз не люблю... Слушай, – голос инспектора стал проникновенным, – тебе парня надо? Мушину?.. Бери вон Игорька. У него до вечера наряд, а завтра опять его сюда выпишу. А?

Марина повернулась и пошла к себе. Посидела, отдышалась и стала собираться обратно.

Пусть этот вечер не останется...

В половине седьмого – пошли.

Нет, покупатели были в течение всего дня, но в основном домохозяйки и пенсионеры, не спеша выбиравшие сорта колбасы и сосисок, спрашивавшие о качестве, о степени свежести, иногда просившие попробовать «ветчинку» или «карбонатик». А в половине седьмого от станции метро двинулись возвращающиеся с работы. Они без раздумий и сомнений становились в очередь, без лишних слов четко бросали в окошечко: «Полкило «Сливочных»... Килограмм «Докторской»... Триста грамм «Любительской»...» И Лена автоматически открывала нужную дверцу холодильной камеры, доставала требуемое, старалась отрезать именно столько, сколько заказывали, – знала, что этим, вечерним, не нравится брать больше или меньше. Впрочем, спорили редко – спорить им было некогда.

Ей легче с вечерними, вообще лучше вертеться в тесном нутре тонара, чем вести изматывающе долгие диалоги с дневными. И в этом верчении скорее, незаметнее приближается конец смены... Вот еще час-полтора аврала, запарки, а потом поток схлынет, пойдут одинокие, запоздавшие, а в девять приедет Рагим, снимет кассу, закроет тонар, и Лена тоже отправится домой отдыхать, как все...

– Мне «Чайной» колбасы на сорок семь рублей, – голос

пожилого мужчины.

Лена поморщилась – такой заказ не сулил ничего хорошего. Сейчас начнется высчитывание каждого грамма.

Сунулась в тот отдел холодильника, где должна лежать «Чайная». Ее там не было. А, да, днем хорошо покупали – у пенсионеров дешевая «Чайная» пользуется популярностью. Остался лишь тот полукружок на витрине.

Достала его, положила на весы. Щелкнула кнопками калькулятора. Сказала:

– На семьдесят два рубля выходит.

– На сколько?

– На семьдесят два.

– Мне надо на сорок семь.

Говорить было тяжело, но Лена решила объяснить:

– Это последний кусок. Больше нет... Куда я эти сто граммов?

– Ну, девушка, пожалуйста.

– Давайте я «К завтраку» отрежу? Цена та же почти, тоже вареная...

– Мне «Чайной» надо.

– «Чайной» не получается.

На улице зашумели и, видимо, оттеснили старика от окошечка. Снова пошли четкие заказы: «Полкило «Домашних»... Четыреста ветчины... Полкилограмма грудинки... Упаковку заливного...» Лена доставала, резала, взвешивала, но легкости автоматизма уже не возникало, мешала мысль,

почти раскаяние: «Надо дать ему было, сколько просил. Остальное забрала бы себе на бутерброды утром». Хотя колбасу она не любила в последнее время – вид ее на столе иногда даже вызывал отвращение: надоедала за время работы. Впрочем, когда торговала молочными продуктами, почти не ела ни творог, ни йогурты...

Лена окончила торговый колледж и с тех пор десять с лишним лет работала в магазинах, тонарах, палатках. Родители настаивали, чтобы получила среднее образование, но она ушла из школы после девятого – с детства хотела стать продавщицей... Нет, нельзя сказать, что это было ее мечтой. Просто... Просто одним из главных воспоминаний из детства была вечная экономия, разговоры о том, что вот до зарплаты еще неделя, а холодильник пустой. И маленькая Лена представляла себя продавщицей в гастрономе, окруженной банками со сгущенкой, булочками, конфетами. Любимой ее игрой была игра в магазин: Лена делала в своей комнате прилавок из табуреток, раскладывала на них кубики и карандаши, нарывала кусочки бумаги и звала родителей покупать тортики, батоны, сосиски, печеньки... Играла в магазин и в садике, и настолько часто, что воспитательницы жаловались.

Тяжелое начало девяностых Лена, тогда девочка десяти-двенадцати лет, часто переживала в памяти. Тогда голод, казалось, бродил совсем рядом с их домом и готов был ворваться. Папу сократили, он искал новое место, мама часто плакала; варили пшеничную кашу, от которой потом пекла

изжога, ходили на Коломенский мясокомбинат за дешевой «некондицией»; вечера были тяжелые и тревожные, а утра нервные, почти злые. Собирая Лену в школу, мама умоляюще говорила: «Поешь там хорошо, ясно? На ужин не знаю, что будет». И тогда, наверное, в те дни, Лена и решила всерьез стать продавщицей.

Но ела совсем немного, и в детстве, и сейчас к пище не испытывала жадности. Ей нравилось само ощущение, что вокруг много продуктов. Они были самой надежной вещью, самой верной защитой...

После восьми вечера покупателей становилось меньше, и Лена начинала томиться в своем тонаре. Присаживалась на стульчик, но то и дело поднималась, протирала разделочную доску, заглядывала в холодильник, проверяя, сколько чего осталось, нет ли залежавшегося, на грани просрочки, товара. Вынимала из кармана халата сотик и расстроено-удивленно надувала щеки – время ползло очень медленно.

Из открытого окошечка тянул ледяной сквозняк. На улице метался ветер, кружа сухие крупинки снега... Хорошо, что ей до дома всего две трамвайные остановки – минут десять быстрым шагом.

Лена задумалась, вспоминая, что там на ужин, на завтрак, нужно ли в магазин заходить... Творожная масса есть, вчерашний рис в кастрюльке, яблоки. Креветок можно сварить... Да нет, выбор есть – что-нибудь приготовит. Сделает ужин, отнесет в комнату, устроится на диване, включит те-

левизор.

Еще раз взглянула на часы. Без семи девять. Пока пере-
числит Рагиму, что привезти завтра, пока снимут кассу, за-
кроют тонар, пройдет полчаса... Успеть бы к комедии на
«ТНТ».

– Есть кто? – Голос в окошечке; мужской, молодой голос.

– Да. – Лена поднялась со стульчика. – Заказывайте.

– А это что у вас, кровавая колбаса, что ли?

– Да. Новинка нашего предприятия.

– М-м! А вкусная?

Лена не пробовала кровяную колбасу – страшновато бы-
ло: колбаса из крови, – но ответила: «Очень вкусная». В ка-
честве того, чем торговала, она была уверена, тем более что
ни разу никто серьезно не жаловался. Лишь домохозяйки
иногда недовольно ворчали – «что-то «Краковская» мне вче-
ра не понравилась, возьму сегодня «Одесскую» лучше»...

– Ну, взвесьте палчонку. Поем, о родине вспомню.

Лена выбрала побольше, положила на весы. А невидимый
человек на улице (чтобы увидеть его, Лене нужно было на-
клониться) продолжал говорить:

– Я сам-то родом из Тувы. Это в Сибири, южнее Красно-
ярского края есть республика. Не бывали?

Зная, что с покупателями нужно быть вежливой, Лена с
доброжелательной грустинкой в голосе ответила:

– Нет, к сожалению, не бывала.

– Зря. Представится возможность, побывайте. Самое кра-

сивое место на земле. Горы, Енисей, степи... И там такую кровяную колбасу делают – м-м! Называется хан. Вкуснее ничего нет. Я хоть русский, но очень люблю.

– Шестьдесят три рубля сорок копеек, пожалуйста.

Рука положила на стеклянную плошку для денег сторублевку. Лена отдала колбасу в целлофановом пакетике, стала набирать сдачу.

– Три сорок есть у вас?

– Да есть где-то, – голос с улицы, – холодно искать.

Ее кольнуло раздражение. «Хоть бы уж наврал просто, что нету». Насчитала монеты...

– Держите.

– Спасибо.

– Спасибо вам.

– Сейчас возьму водочки, порежу колбаски и побываю в Туве.

– Приятного вечера.

Тува какая-то... Лена нигде не бывала. Нет, в детстве родители один раз ездили с ней в Феодосию, но ей ничего не запомнилось – ей было неполных пять лет. От той поездки остались хранящиеся в серванте лакированный крабик с отломанными клешнями на подставке с надписью «Феодосия» и несколько бледно-розовых камушков в надколотой фарфоровой чашке.

В ранней юности Лена несколько раз заговаривала о том, что ей хочется куда-нибудь съездить, что вот в школе соби-

рают группы то в Тарусу, то в Михайловское, то в Петербург, а родители грустно отвечали: «Но ведь это денег стоит, доченька... У нас до зарплаты – не знаем, дотянем опять или нет».

От прошлого светлыми лучами остались дни, проведенные на даче в Толстопальцеве. Бревенчатый дом, снаружи небольшой, но внутри казавшийся огромным из-за множества комнаток; просторный участок, где были и лужайка, и заросли малины, и настоящий еловый лес с орешником и покрытым ряской прудиком. Дача эта была старая, семейная, но в начале девяностых тетка, мамина сестра, которой эту дачу завещали (маме отошла двухкомнатная квартира, где сейчас жила Лена), продала ее – очень нужны были деньги...

Реальный мир для Лены ограничивался Москвой, да и то в основном одним районом – Нагатином. Здесь был ее дом, здесь она ходила в садик, окончила школу, здесь, то в магазинах, то в тонарах, работала. В другие районы и центр почти не выбиралась – не было повода. Разве что иногда в гости к подруге Маринке в Свиблово...

Пять минут десятого подъехал на «Жигулях» Рагим. Забрался к ней.

– Привет, – сказал, как всегда, тихо, устало. Отряхнул с головы, плеч крупинки снега. – Как дела?

– Нормально. Давай подсчитаем.

Лена доверяла Рагиму – кажется, честный парень. По крайней мере за те почти полгода, что она здесь, ни разу не

пытался ее обмануть, подставить. И смотрит всегда как-то тепло и тоскливо, словно жалеет ее, хочет сказать важное, но не решается. Да и понятно в общем-то что, и Лена знает, что ответит ему, если он вдруг решится, – ответит сразу и твердо, – но все же каждый день ждет его слов. Волнуется, слегка путается, нервничает, когда Рагим рядом.

Друг о друге им почти ничего не известно. Он для нее – экспедитор, она для него – одна из нескольких продавщиц его участка. По утрам он привозит ей товар на своем «жигуленке», вечером забирает деньги. Они закрывают тонар и прощаются.

Сегодня всё было, как много вечеров перед этим. И попрощались обычно: Лена сказала «до свидания», Рагим кивнул, грустно взглянул на нее и залез в свою неказистую, помятую машину... Может, в свободное время он ездит на иномарке, но работает на такой вот, в которую девушку стыдно пригласить. Да и есть ли у него свободное время...

Через подземный переход Лена миновала проспект Андропова и по левой стороне Нагатинской улицы пошла к дому.

Дом был, наверное, сталинских времен. Пятиэтажный, из темно-серого кирпича, с полосками кирпичей бордовых между третьим и четвертым этажами и под кровлей. На первом этаже хозяйственный магазин (когда-то был магазин «Ткани»), окна там полукруглые, даже лепнина есть... Оказываясь в других местах Москвы, Лена замечала такие до-

ма – они стояли по два-три и в центре, и на самых дальних окраинах. Словно их выстроили в одном каком-то месте, а потом разбросали по городу, туда, где они были особенно в тот момент нужны.

Когда Лена встречала эти пятиэтажки, у нее теплело в груди, она мысленно передавала им привет от дома, в котором жила; ей казалось, что они скупают друг по другу.

Возле подъезда остановилась, нашла в кармане плаща ключи, приложила один к кодовому замку. Замок запищал, дверь чуть приоткрылась. Лена вошла в подъезд, по бетонной лестнице поднялась на свой третий этаж.

В квартире пахло вкусно – Лена любила жечь ароматические палочки, клала на шкафы надушенные ватки. Впрочем, сложно было сказать, что именно она это любила – это делала ее мама, а потом, после мамы, стала делать и Лена...

Сняла плащ и сразу почувствовала, как запах духов перебил тяжелый дух копченостей. Целый день в тонаре его не замечала, а здесь ударил, неприятно защекотал ноздри.

Душ принять? Нет, завтра утром... Разделась в ванной, бросила белье на стиральную машинку, надела теплый халат, завязала пояс... Приготовить ужин, забраться на диван, посмотреть комедию... Десять минут осталось.

И через десять минут Лена уже была на большом мягком диване, купленном ею недавно взамен старого советского, со скрипучими пружинами.

Она любила этот момент – когда рядом на подносе горя-

чий чай, фруктовый салат, стаканчик с йогуртом, печенье на тарелке, телевизор еще не включен, но дистанционка уже в руке, и впереди три-четыре часа до сна...

И себе Лена нравилась в этот момент – вот она сидит, подбрав под себя ноги, маленькая, уютная, спокойная молодая женщина. Молодая, обеспеченная и свободная.

Но, наслаждаясь этим моментом, она, не желая того, помнила, что до встречи с Виталием еще целых два дня и что он сегодня ни разу не позвонил; что наверняка позвонит Маринка, и ее нужно будет терпеливо слушать, потому что она подруга с детства, самый близкий теперь ей человек...

Включила телевизор, присмотрелась и поморщилась – узнала пошловатую комедию «Полицейская академия». Сколько можно ее крутить... Подавила на кнопку дистанционки, переключая программы, остановилась на передаче «Тайные знаки». Про Блатскую... Ну пусть это.

Но история жизни Блатской не увлекала, а внутри постепенно росла, выдавливая остальные чувства тревога; Лена поглядывала на молчащий телефон и тут же, будто опасаясь, что ее взгляд кто-то может заметить и едко усмехнуться, перевела его на сервант, с серванта – на шкаф с книгами, затем сразу – на столик с накрытой фанерным футляром швейной машинкой...

Комната была просторная (оставшись одна, Лена выбросила копившийся десятилетиями и раньше, видимо, кажущийся нужным хлам), но мебель, кроме дивана, старая. Сер-

вант темный, напоминающий ящик, громоздкий книжный шкаф со стеклянными дверцами... Возле дивана торчал кри-воватый торшер с лопнувшим абажуром, на стене висел тол-стый, будто грозивший вот-вот сорваться и завалить про-странство, ковер...

Эту квартиру в пятидесятых получили ее бабушка и де-душка (мама и папа мамы), в этой квартире выросли Лени-на мама и ее сестра, тетя Света. Сюда мама, уже немолодой, привела немолодого жениха, Лениного отца (тетя Света в то время уже вышла замуж, и та комната, девятиметровый пе-нальчик, где сейчас у Лены спальня, принадлежала маме).

Бабушка и дедушка умерли, когда Лене было чуть больше десяти лет, умерли друг за другом, не дожив до шестидесяти пяти. Так же почти одновременно и в том же возрасте умерли потом и мама с папой; умерли тихо, почти незаметно, как и жили. И Лена осталась одна...

Передача про Блаватскую кончилась, начался «Мыс стра-ха». Его Лена уже видела несколько раз, но фильм ей нравил-ся – решила еще раз посмотреть. Актриса хорошая в главной роли – Джульетт Льюис; она напоминала Лене ее саму. Или хотелось так, чтобы напоминала.

Несколько минут смотрела на экран и действительно увлеклась мастерски сделанными титрами и почти идилли-ческим началом ужастика, но тут пошла реклама. И сразу вспомнилось, что Виталий так и не позвонил. И Маринка то-же, – то по пять раз на дню, а то уже третий день молчит...

Может, Виталий эсэмэску прислал, а сотик в плаще. Вполне могла не услышать сигнал.

Лена поднялась, отнесла поднос (посуду сполоснет утром), достала телефон. Проверила. Нет, пусто. Зачем-то пооткрывала-позакрывала «Звонки», «Галерею», «Контакты», «Органайзер»... Вернулась в комнату, снова забралась на диван.

Реклама еще не кончилась. Пенелопа Крус красила ресницы чудо-тушью...

Лена снова встала, взяла городской телефон с подзеркальника и переставила на диван. И тут же не выдержала – сняла трубку. Очень хотелось позвонить Виталию и, чтоб не сделать этого, набрала Маринкин номер.

Длинные гудки, и – недовольный голос подруги:

– Аллё?

– Привет, Мариш, – уже жалея, что позвонила, сказала Лена. – Это я, извини, что отвлекаю.

– А, привет, солнце! – Голос Маринки потеплел. – Ты как там?

– Да сижу, смотрю фильм ужасов.

– А-а, какие это ужасы. Вот у меня вчера день ужасов был – вот это действительно... Погоди, на кухню перетащусь...

Маринка с детства была говоруньей, и тихоне Лене это нравилось – она любила слушать.

– Поднимаю, в общем, Алинку в садик, – с привычным

увлечением стала рассказывать Маринка, – и она сразу: «Мама, купи мне матушку». «Ладно, – говорю, – куплю». Главное в садик собрать и увести. А она всё: «Матушку купишь, да?»»

У Маринки была дочка Алина, четыре года...

– Вышли на улицу, и она меня тянет к «Непоседе». Ну это магазин игрушек у нас тут... «Купим матушку!» – «Да какую матушку? – говорю. – Я твоя матушка». – «Нет, ты мама, а мне надо матушку». Блин, еле-еле ее в садик затащила, Алинка рыдает – надо ей срочно матушку какую-то. Прямо до истерики. «Алин, – говорю, – у меня такая сложная работа с деньгами, – Маринка работала кассиршей в сбербанке, – а ты такое мне устраиваешь. Как тебе не стыдно!» В обед позвонила, воспитательница говорит, всех там уже довела этой матушкой. И целый день как на иголках... Ну вечером забрала, притащила домой под это ее: «Мне матушку надо!» Раздела. «Объясняй, – говорю, – что за матушка. Что это ты себе вбила в голову». А она уже неменяемая, задыхается от рыданий своих. Пришлось валерьянку давать, лицо холодной водой... Но все равно: «Матушку надо!» – «Да какую, блин, матушку?!» Лешка пришел, тоже с ней весь вечер... Он и придумал: «Нарисуй нам матушку, и мы сразу купим». Она села, полчаса там что-то пыхтела, приносит. «Да это матрешка, а не матушка никакая», – говорим. «Матрешка, матрешка, – Алинка нам, – купите?» «Купим, конечно. И надо было весь день с ума всех сводить?!» Короче, уло-

жили спать, утром сегодня купили эту матрешку, а сейчас она про нее и забыла уже... Вот такой фильм ужасов в реальности. Представляешь, ребенок ходит, рыдает, и одно и то же: «Купите матушку! Купите матушку!»

– Да-а, – с не очень искренним сочувствием вздохнула Лена, – действительно...

И попыталась представить себя на месте Маринки; ей показалось, что она бы сразу догадалась, что нужно ее доченьке. Хотя... Вот вскакивают они всей семьей утром, скорее глотают кофе, собираются на работу, одевают ребенка, а он рыдает и требует неизвестно чего. А минуты бегут, и до того ли, чтобы сесть, спокойно расспросить, понять...

– И еще, Лен, слушай. – Голос Маринки стал тише, послышались жалобные нотки. – Лешка что-то странный совсем стал какой-то. Даже не странный...

– А что?

– Молчит всё, в общем, ко мне внимания никакого. И на своем биатлоне помешался.

– На чем?

– Ну, – Маринка занервничала, – знаешь этих, на лыжах с ружьями катаются? Спорт такой.

– М-м, вроде да.

– Мужики когда, сидит просто, а когда девки – глаза прямо горят, и вдруг начинает: «Света, давай! Аня, давай!» – эта еще... – «Зайка, давай!» И кряхтит так весь... Знаешь, как во время секса... Понимаешь... А, Лен?

Лена сдержала усмешку – «Ну, Маринку понесло!», – снова сочувственно вздохнула.

– Я сначала-то, – голос подружки стал еще тише и совсем уж горестный, – как шутку воспринимала, а тут в комп залезла – куча скачанных фоток их, переписка с какими-то, как он, тоже... «Что, – говорю, – влюбился?» Он глазами хлопает. «Ну и живи с ними». Теперь на кровати по разным углам спим. Она же огромная у нас... сексодром, блин... И, знаешь, ни разу не пристал за это время. А уже недели две прошло... Что делать, Лен, а?

– Ну... – сразу не нашлась она.

– У тебя всё «ну».

– У меня, – обиделась Лена, – тоже проблем полно на самом деле.

– Каких проблем? – В Маринкином голосе послышалось любопытство и недоумение.

– Я вообще одна. Сижу вот...

– А Виталик где? Вы же с ним, кажется, прочно...

– Прочно... На выходных только прочно.

– До сих пор, что ли, так?

Они не разговаривали об этом больше месяца, а с Виталием Лена как бы живет почти два года. Вот таким образом живет... От этих мыслей Лене стало обидно до слез.

– Да, до сих пор. И не знаю...

– Так ты скажи ему: «Слушай, милый, давай-ка решать. Мне уже двадцать восемь, мне пора ребенка делать, семью

создавать». Правильно?

– Ну правильно...

– Так действуй тогда! Правда, – Маринка сладковато вздохнула, – я так тебе иногда завидую.

– Хм! Это в чем же?

– Свободе твоей. Я бы сейчас на твоём месте поехала б в клуб...

– Да уж, после работы клуб – самое то!

– Выпила баночку энергетика, и всё нормально. Помнишь, как я танцевать любила? А теперь... Лешке иногда говорю: «Поехали потанцуем». А он кривится только, или: «Ну езжай». Представь, одну готов отпустить хоть куда. Обидно так... Нет, была бы одна... Тебе когда на работу завтра?

– К девяти.

– Да? – Маринка задумалась. – Ты по полным дням, что ли, по-прежнему?

– Ну да.

– Что ты себя изводишь-то?! По двенадцать часов...

– А что еще делать? Дома тут киснуть? – Лена представила, что бы делала днем без работы одна в этой квартире, и на глазах снова выступили слезы; чтобы не расплакаться, стала себя успокаивать: – Да и полдня, даже больше, спокойные. С половины седьмого до восьми самый пик.

– Нет, зря ты так, Ленка. Здоровье сорвешь... Ты Виталику своему всё выскажи. Не хрена! Поженитесь, и или ты к нему, или он к тебе. Одну квартиру будете сдавать, на жизнь

деньги какие-то тоже...

– Он с мамой живет.

– Да? Понятно... Да, это хуже. – Голос Маринки погрузнел. – Но всё равно, Лен, ты над собой не издевайся. Зачем в самом деле?

– А что? Здесь тухнуть?

– Блин, заладила!.. Развлекайся! Потом локти будешь грызть, когда ребенок появится... И что Виталик этот... с мамой он живет... На каждом углу по миллион мужиков – знакомься, выбирай... Погоди. – Маринка, видимо, зажала трубку ладонью, и Лена расслышала лишь интонации женского и мужского голосов – раздраженную интонацию. Видимо, Маринка разговаривала с мужем.

Они прожили вместе шесть лет. В первый год Маринка минуты не могла прожить без своего «Лёшика», только о нем и говорила – какой он замечательный, какие подарки делает; потом, когда родилась Алинка, стала часами говорить о дочке, жаловалась, что муж мало помогает. А в последнее время всё чаще жаловалась на обоих, завидовала Ленкиной свободе. И никакие слова Лены, что от такой свободы тошно и тоскливо до слез, ответные жалобы ее не переубеждали. Лене же казались наигранными жалобы подруги...

– Заходил тут, – слышался в трубке Маринкин полусшепот, – по кастрюлям шарился. Поели же. И мяса нажарила, и спагетти целую пачку... Я тут опять на диету хотела сесть, но как с ним сядешь... «Давай, – говорю, – делать разгрузочные

дни. Хотя два в неделю». Психует: «Я к мясу привык и буду его есть! И всё!» А мне как его готовить? Нюхать и не есть?.. Была бы одна, мне бы двух яблок на день хватало, а так... Ты много ешь?

— Да нет, — пожалала Лена плечами, глядя в экран телевизора, где герой Де Ниро, прикидывающийся театральным преподавателем маньяк, разговаривал с наивной жертвой в исполнении Джульетт Льюис.

— Ну вот что ты ела на ужин? А?

— Так... Ничего почти... Ладно, Мариш, буду спать, наверно... Завтра вставать...

— Дав-ва-ай. А мне Альку в садик тащить. Скорей бы суббота. Хотя... Как пауки в банке в выходные тут...

Положив трубку, Лена некоторое время пыталась следить за отлично известным ей сюжетом «Мыса страха», а на самом деле удерживала себя от звонка Виталию.

Встала, прошла по комнате, подняла с паласа несколько соринок, сунула в карман халата. Потрогала твердый, словно неживой лист росшего на подоконнике алоэ. Оно осталось от мамы, а палочку, которая поддерживает ствол, принес папа. Их нет, уже три года никого из них нет, а алоэ продолжает расти... Лена надавила на лист пальцем, и ноготь порвал пленочку, врезался в сочную мякоть.

Испугавшись сделанного, отдернула руку, попятилась от окна. Будто от кого-то скрываясь, завернула в соседнюю комнату. Остановилась, огляделась.

Кровать с деревянными спинками, на которой Лена спала лет с двенадцати. Письменный стол с отпадающей дверцей ящика-тумбы, за которым делала уроки. Шкаф, большой, в четверть комнаты, в котором висели ее кофточки, платья, юбки, включая и те, что Лена носила ребенком. На стене полка с давным-давно не открываемыми книгами... В этой комнате, считающейся спальней, Лена бывала редко – ночи проводила в основном в большой комнате на диване. Очень тяжело было среди вещей, напоминающих о прежней ее жизни, о детстве, и Лена старалась их не замечать, но помогало плохо.

– Надо делать ремонт, – в который раз за последнее время четко и убеждающе сказала она. – Мебель на свалку, обои светлые, стеллажик зеркальный, комод хороший видела...

Но, говоря себе это вот так, почти приказывая, в глубине души она не верила в ремонт. Если кто-то или что-то не подтолкнет к переменам, всё так и останется, так и будет. И она сама, Лена, будет такой же, как сейчас и как год назад. То есть в таком положении, но не в таком же возрасте. Это в детстве время торопишь, а когда тебе недалеко до тридцати...

Хорошо, что встретился ей Виталий. Мог бы и не встретиться, и было бы тогда совсем, наверно, невыносимо. Спасибо Маринке – она в тот вечер вытащила ее в «Алмаз» – в развлекательный центр – на бильярде поучиться играть, чаю зеленого выпить, потанцевать. Там с ними и познакомился

молодой человек, высокий, симпатичный, в белой рубашке. Маринка и Лена сначала приняли его за официанта и велели принести чаю и пирожных. Он принес и подсел к ним. Маринка возмутилась, а когда он объяснил, долго смеялась. Молодого человека звали Виталий, он работал бухгалтером в крупной торговой фирме. И после этих его слов вместе с Маринкой стала смеяться и Лена – в их представлении бухгалтерами должны были работать пожилые полные тетки или маленькие плюгавые дяденьки, как в клипе песни группы «Комбинация», но совсем не «такие симпатяги», как Виталий.

Поначалу Виталий выражал интерес к Маринке (да это и понятно – она всегда была заводилой), а узнав, что Маринка замужем, переключился на Лену.

Когда прощались, предложил ее проводить. Лена отказалась, но номер своего сотика дала... Виталий позвонил в следующую пятницу и позвал провести вечер вместе. Она согласилась.

С тех пор почти два года всё шло без перемен: с понедельника до вечера пятницы лишь перезванивались, находясь в разных концах Москвы, а выходные проводили вместе. На работе Лену в эти два дня заменяла пенсионерка с медицинской книжкой Людмила, нервная, вечно усталая, долго пересчитывающая выручку. Рагим жаловался, что очень с ней трудно, но Лена не реагировала. Что, ей вообще все дни, что ли, в тонаре проводить? Многие приезжие так и работают,

впрочем. Хотя Лена не думает, что ей предложат выбирать – или на семидневку, или увольняться. Но, не признаваясь себе, она ожидала чего-то, какой-нибудь перемены, встряски, ситуации, когда нужно будет очнуться, задуматься, пусть вынужденно проявить активность. Иначе...

В том же подъезде, этажом выше, жила Ирина. Лена отлично помнила ее еще девушкой – Ирина была лет на пятнадцать старше ее. Невысокая, но стройная, аккуратная, свежая. Скромная. Для Лены она была примером тогда... Жила Ирина одна – у ее родителей была другая квартира, – работала где-то переводчицей, давала уроки английского на дому. Иногда и Лена к ней поднималась, чтоб подтянуть знания в конце четверти, и всегда любовалась Ириной. Такой, в ее представлении, и должна быть женщина – аккуратной, скромной, спокойной.

И вот Ирине уже прилично за сорок, и она всё так же одинока. И постепенно превращается в старушку.

Несколько раз Лена вместе с Виталием встречала ее во дворе или на лестнице и замечала в глазах Ирины завистливую злобу. Наверняка бессознательную и от этого тем более открытую, от которой у Лены пробегали меж лопатками ледяные мурашки.

А ведь у Ирины тоже бывали мужчины – Лена помнила ее счастливой, под руку с молодыми красавцами. Но они быстро исчезали, и теперь новые вряд ли уже появятся. Нет, может быть, еще кто-то будет, а вот дети...

Лена прошла по комнате раз, другой, третий. Ходила медленно и словно бы расслабленно, а на самом деле ее трясло. Казалось, так тошно, так тоскливо ей еще не было... Проходя мимо дивана, подхватила сотик и нашла номер Виталия. Нажала кнопку с зеленой трубкой.

Вместо гудков зазвучала приятная, успокаивающая музыка, – Виталий установил себе такую функцию, – но сегодня она не успокаивала Лену, а злила, будто над ней издевались...

– Алло, – сонный голос Виталия. – Привет, Ленусь.

Она отозвалась не сразу – перед тем, как произнести хоть слово, пришлось несколько раз глубоко вдохнуть.

– Привет... Как дела?

– Да ничего хорошего. Устал, как гoblin.

– М-м...

– Извини, что не позвонил. Совсем замотался. Домой дошел – и рухнул...

«Совсем замотался, – повторила про себя Лена. – Сколько мужчин и женщин это друг другу говорят каждый вечер...»

И от этого стало не по себе – Лена будто оказалась не в более-менее защищенной, укрытой от остального мира квартире, а в прозрачном кубе. И в соседних прозрачных кубах сидели, лежали, стояли, бродили из угла в угол тысячи других женщин с прижатыми к ушам телефонами. И отовсюду – шелест: «Тяжелый день... Совсем измотался... Очень устал...»

– Квартальный отчет готовим, – продолжал снуло бубнить

Виталий, – бумага горы. Аудиторы – дебилы. Надо другую контору искать... А у тебя как, малыш?

Лена собралась ответить так же, как и обычно: «Да нормально», – но вместо этого сказала сухо, колюче:

– Плохо. Ничего хорошего.

Виталий вздохнул. Помолчал и, кажется, с натужной ласковостью попросил:

– Потерпи чуть-чуть. Скоро уже выходные... Тяжелый год вообще, что ж... Вот сдадим отчет, возьму отпуск – и сгоняем на неделю в Прагу. Ты была в Праге?

– Нет.

– Чудесный город. Я тебя повожу...

– А ты ездил уже?

– Конечно! Самый любимый мой город.

Лена хотела спросить: «И с кем?» – Сдержалась. – «Глупо... Надо успокоиться». – Но в груди дрожало, в горле бились рыдания... Виталий что-то продолжал говорить, устало-бесцветно; Лена не слушала, – не могла вслушиваться в слова. Наконец проглотила рыдания и перебила:

– Послушай, мне очень плохо... я не могу больше так... не могу больше одна...

– А? – удивленно-испуганный звук в трубке.

– Ведь это... согласишься, это ненормально, что так... что я здесь, а ты – там где-то. Если мы любим друг друга, то должны быть вместе. Да ведь? Да?

– Ну конечно, Лен. Конечно. Только... Понимаешь, Лен,

с такой работой и так с ума сойдешь, а если еще каждый день по два часа в метро давиться... Я тут две станции проезжаю, и то... Давай после Нового года решим. Хорошо? Рождественские каникулы будут, будет время подумать. Хорошо, малыш?.. Алло, Лен? Ты где? Алло?

– Я здесь, – с трудом сказала Лена. – Не знаю, что мне ответить. Что ж... – продолжила, глотая и глотая бьющиеся в горле спазмы, – что ж, буду ждать Нового года. Что еще остается...

– Ле-ен, зачем ты так? Я тоже очень хочу быть с тобой... Надо, Лен, надо что-то придумать... Может, квартиру здесь где-нибудь снимем...

– Нет! – вскрикнула Лена, будто ее действительно поволокли куда-то. – Я хочу жить в своей квартире!.. Я, – она заставила себя говорить медленно и четко, – я хочу здесь, в этой квартире жить со своим мужем, и чтобы у нас были дети, и чтобы... – Рыдания прорвались на волю; Лена говорила сквозь слезы и спазмы. – И... и чтобы всё... чтобы всё у нас было хорошо! Я не хочу больше так. Не хочу! Это ненормально! И... и если ты хочешь, чтобы мы были вместе...

– Лен, Лен, что с тобой?! – недоуменно спрашивал Виталий. – Лен, ну ты что?!

– Дру... другие как-то... Другие из Подмосковья каждый день... а здесь не можешь на метро...

И чтобы не наговорить оскорблений, она нажала кнопку с красной трубочкой, бросила сотик и долго плакала, ткнув-

шись в подушку. Плакала, захлебывалась и давилась слезами и удивлялась себе – с ней никогда такого не было. Всегда старалась держать себя в руках, быть спокойной, даже на похоронах родителей. И – вот прорвало...

Кое-как поднялась, всхлипывая, дошла до ванной, умылась, вытерлась полотенцем. На кухне выпила воды. Постояла возле холодильника, внимательно глядя на наклейки на его дверце. Казалось, совсем-совсем недавно, будто несколько недель назад, она наклеивала этих динозавров, машины от жвачек, ромбики с мандаринок... Лет восемь ей тогда было, теперь – двадцать девять почти...

Торопливо, чтобы снова не разрыдаться, вернулась в комнату... Надо лечь и уснуть. Завтра к девяти на работу.

Сотик голубовато светился, на дисплее покачивался конверт. СМС. Лена открыла, слегка щурясь, прочитала: «Малыш, я очень люблю тебя!» Подписи не было, но номер был Виталика... Придумывая ответ, наблюдала, как по телевизору Джульетт Льюис со своими родителями отбиваются на яхте от маньяка Де Ниро... Придумала, набрала: «Прости. Пусть этот вечер не останется в нашей памяти. До пятницы».

Отправила. Подождала. Потом отключила сотик, погасила телевизор и стала стелить постель.

Проблема

Артем нагнал меня по дороге к лифту.

– Слушай, ты, видел, без колес сегодня.

– Да достали пробки. Тем более в жару такую. Кондишен слабо работает – вчера чуть не спёлся.

– Я-асно. Слушай, может, пивка выпьем?

Хм, интересно... С Артемом мы никогда не были близки, сидели в разных кабинетах, по служебным делам напрямую не пересекались, даже во время корпоративов не сходились. Так – все пять лет, как работаем вместе, – «привет-пока», и дальше. А тут – пивка.

– Рядом вон погребок хороший, посидим часок. – В голосе Артема появилась жалобная, почти умоляющая нота; что-то явно произошло, и я кивнул:

– Ну давай. Час есть.

– Спасибо!

Шагнули в лифт, стали спускаться. Долго, с восемнадцатого этажа. К тому же почти на каждом этаже останавливались, подбирали сотрудников десятков фирм и компаний. Пахло духами, дезодорантом, потом, взопревшей синтетикой... Я уже ругал себя, что согласился. Наверняка в долг попросит. По кредитам платить, то, сё... Сколько дать? Тупо отказывать не стоит, опасно – наживешь врага, будет гадить на каждом шагу. А Артем молодой и, как я заметил, резвый.

И сегодняшний его вид не должен вводить в заблуждение...

Почти бежали через парковку, огибая то слева, то справа раскаленные автомобили. Впереди, как спасение, темнели витрины магазинов и кафе на первом этаже кирпичной девятины. Там сбоку и вход в погребок.

Скорей по ступенькам. И с каждой всё прохладней, прохладней... Теперь я готов был благодарить Артема за то, что позвал сюда. Сейчас бы плавился по пути к метро, башку портфельчиком прикрывал...

Сели под ледяной струей из кондёра – лучше простыть, чем свариться, – отдышались, стали листать меню.

– Предлагаю по бокалу «Хайнекен» и фисташек, – сказал Артем; ему, очевидно, не терпелось побыстрее закончить эту церемонию и заговорить о важном.

Не стоило соглашаться с готовностью, и я ответил:

– Я «Туборг» лучше. Фисташки – нет: пломбу на днях поставил, опасаясь. Гренки вот есть чесночные...

Артем потрянул головой, поднялся, пошел к бару, но тут же вернулся:

– Сейчас официантка...

– Кстати, – отозвался я, – в Париже столкнулся с забавным... Знал, конечно, про это дело, но в жизни – первый раз... Если ты пьешь за барной стойкой – цена одна, а если за столиком – раза в два выше... Нас компания была, и одни решили так, а другие – так.

Артем слушал меня внешне с интересом, а на самом де-

ле, я чувствовал, с одним желанием – чтоб я заткнулся. Но недосказать – это значит признаться, что твой рассказ глупость, нелепость. Я договорил:

– В двух шагах друг от друга находимся, болтаем, смеемся. А счет дали разный. Некоторые не в курсе были, стали возмущаться... Забавно.

– Да, – кивнул Артем, – возьму на заметку. Тоже во Францию собираемся, в Лион. Страшно, правда, повсюду теракты...

Подошла официантка, мы сделали заказ.

– А вы с женой часто куда-нибудь ездите? – спросил Артем.

– Раза три-четыре в год стараюсь выгуливать. Женщинам трудно без развлечений.

– Ну да, ну да... Слушай, – голос Артема изменился, стал откровенно, неприкрыто печальным, – у меня проблема такая... Хотел совета спросить... Вы ведь с женой лет двадцать вместе, нечастый случай теперь. И я видел – счастливы.

Я насторожился – где он мог видеть нас вместе?.. А, да, весной моя «бэха» стояла в ремонте, и жена забирала меня с работы. Я мельком познакомил ее кое с кем из коллег. В том числе и с Артемом, кажется.

– Не жалею, – кивнул. – Достигли некоей гармонии.

– Я вот об этом как раз и хотел поговорить... Спасибо, – принял Артем у официантки бокал ярко-желтого «Хайнекена», дождался, пока она всё расставит на столе и отойдет, и

продолжил: – Я сейчас с девушкой живу... почти год уже. Свадьбу планируем.

– Поздравляю.

– Спасибо... Отличная девушка, Даша, на три года моложе меня... Да, отличная – красивая, вышку окончила, зарабатывает нормально... всё меня в ней устраивает. Только... – Артем отпил пива, слегка поморщился. – В общем, напрягает она меня вниманием.

Замолчал. Я не поддержал разговор – задавать наводящие вопросы было рано пока... Артем с усилием продолжил:

– Постоянные разговоры, забота, проявления любви – это, оказывается, тяжело... Нет, как-то я не так, не с того конца... Я ее люблю, – произнес убеждающе то ли меня, то ли себя самого, – и в то же время готов иногда... – Еще глотнул пива. – Она всегда рядом, всегда смотрит на меня, всем делится. Интересуется, как на работе, рассказывает подробно, как у нее, вообще, что видела, узнала... Спрашивает, что приготовить, о прочитанных книгах рассказывает, фильмы вместе предлагает посмотреть в компе, потом на обсуждение выводит... О терактах этих, всем прочем разговоры...

– Активная особа, – улыбнулся я, когда Артем снова на некоторое время замолчал.

– Акти-ивная... С одной стороны, приятно, правильно – мы пара, необходимо общение... А с другой... Приползаю домой, хочется сожрать чего-нибудь по-быстрому и упасть на диван, в телик воткнуться или в Сеть. А тут она: «Лю-

бимый, я приготовила то-то и то-то, это мы будем есть так-то и так-то...» С работы быстрее меня приезжать старается... На столе – целый диснейленд из блюд разных, тарелок, приправ... «А потом, любимый, мы будем смотреть новый фильм такого-то. Я как раз скачиваю. Ты не против?» И смотрит так душевно, что невозможно сказать: нет, не хочу, возьму бутер и плюхнусь перед теликом... Короче, – Артем потер лоб указательным и средним пальцами, – она из каждого дня хочет праздник сделать, а мне тошно... Я уже и домой с ужасом еду теперь... Смешно, конечно, но вот такое чувство. То ли я мудака конченный в двадцать восемь лет, то ли она что-то не то делает.

Он вздохнул, отпил «Хайнекен», промокнул губы салфеткой и посмотрел на меня, ожидая, что скажу. Я сочувствующе покивал и отвел глаза. На самом деле особого сочувствия не было.

Да, мы с женой вместе больше двадцати лет. Если здоровье не подкачает, вполне можем прожить еще тридцать, а то и больше. Сейчас нам за сорок, и представить, что будет за восемьдесят, теперь довольно легко. В Москве полно стариков, народ тут живучий.

Живем, как говорится, душа в душу. Но... Но это только действительно так говорится. Душа в душу... Нет, скорее без душ. Души стараемся не прижимать. Лучше их прятать поглубже, тогда легче преодолевать день за днем, год за годом.

Конечно, общались и теперь общаемся каждый день, об-

суждали и обсуждаем события, разные бытовые вещи, ездили и ездим с приятелями и детьми на природу, ходили и ходим в кино, театры. Хотя, кроме первых недель, когда зашкаливала страсть, все эти годы держались пусть на мизерном, но расстоянии, не вращались друг в друга. Словно инстинктивно понимали, что иначе обязательно случится пресыщение, отторжение.

Слава богу, возможность не вращаться была и есть – сначала в двухкомнатной квартире жили, потом приобрели трешку. Не давились. В каждой комнате и на кухне – телевизор, у всех членов семьи по набору гаджетов.

Теперь по целым дням и десятком фраз можем не обмениваться. И не тяготимся этим. Или убеждаем себя, что не тяготимся?

– ...Некоторые, знаю, злятся, когда жена с подругами трещит часами, по магазинам шляется, – продолжал Артем, – а мне наоборот... Я уже ей, ну, типа, в шутку, но так... «Может, покемонов ловить пойдешь?» Смеется, прижимается. «Нет, любимый, я от тебя никуда».

– Подожди, – перебил его, – слушай, а с жильем у вас как? Может, ей просто деться некуда? В однушке хочешь не хочешь, а...

– Не обижай. – Артем действительно поджал губы. – Двуха у нас новой планировки – изолированные комнаты. Возле метро «Римская» купили новострой. Лоджии теплые, еще как комнаты...

– Понял-понял. Я так – пытаюсь анализировать.

– Угу... И, знаешь, я не тюфяк, не быдло какое. И поговорить люблю, на подъем, считаю, скор. Но не могу я постоянно... Эх. – Он как бы с отвращением допил свое пиво. – Она не то чтобы ни минуты не дает, а... Сложно, сложно объяснить... И в другую комнату не уйдешь, когда она прижимается, – решит, что злюсь на что-то. Еще хуже...

– Да я понимаю, Артем. Понимаю... Только вот совета дать не могу, кажется. Разве что – ребенка, может, вам завести?

Артем отмахнулся:

– Нет, ты что! Меньше года вместе – какой ребенок!..

– Эт тоже верно... – Я задумался. – Вот я избежал такого, что у тебя сейчас, и рад вроде бы. Хотя... – Вообще-то мы с Артемом говорим складно, это один из главных профессиональных навыков, но сейчас слова соединялись в фразы трудно, при помощи массы междометий и вздохов. – Хотя жалею порой, что чего-то важного у нас с женой не случилось. Ни безумной страсти, ни пыли до потолка. Ровно слишком... А с другой стороны, – я встряхнулся, – от плотной любви до того, что в «Крейцеровой сонате», недалеко... Читал «Крейцерову сонату»?

– Естественно. Я прилично читаю... Правда, в последнее время и к книгам стал... отвращение стал чувствовать. Даша интересуется, что читаю, мнение спрашивает, если тоже читала – на обсуждение вывести пытается... А «Крейцерову»

ты в тему вспомнил – есть симптомы...

– Не пугай, Артем.

– Я не про то, не про убийство... Но уже раза два-три была к Даше ненависть такая... Бешенство прямо... Хм, там у жены так, и муж удивляется, не понимает, что это, а тут – у меня... И знаешь... извини за откровенность...

– Мы для этого здесь и сидим.

– Ну да, ну да... И чувство такое – или ударить, или зацеловать, затискать. Набрасываюсь, валю, раздеваю... Она не сопротивляется, к счастью, наоборот... Но ведь случится так, что начнет: не надо, не хочу. И что тогда?...

Артем вздохнул протяжно, со стоном. Сидел, ссутулившись, глядя на нетронутые гренки.

– Еще пива? – спросил я.

– Наверно... Жена-то ругаться не будет?

– Я так редко после работы выпиваю, что, думаю, наоборот, будет рада. – Я подозвал официантку и попросил повторить «Хайнекен» и «Туборг». – Тем более она с работы к дочке хотела ехать – по Ваньке, внуку, соскучилась.

– Внук уже... молодцы. М-да... Может, действительно ребенка заделать, пускай на него внимание переключает.

– Это вариант. Но тоже есть опасность – можешь начать ее ревновать к ребенку.

– Да, я читал... Причина кучи разводов... Хотя, понимаешь, у меня такое состояние сейчас, что, уверен, буду счастлив просто, если она девяносто процентов любви на ребенка

перенесет.

Официантка принесла пиво. Пока ставила бокалы на стол, мы молчали. Пошла, покачивая под тонкой юбкой выразительным задом. Молодая, наверняка ищущая вторую половину...

– Значит, надо ребенка, – решил Артем. – Пускай... Я ее не хочу терять, но так – не протяну. Слишком она меня любит. Слишком... – Голос его стал сползать в бормотание. – Тяжело это, давит... душит, как подушка теплая... Может, я не умею... Раньше, до нее, – потыкались и разбежались. А тут... «Я никуда от тебя». Ни подруг ей не надо, ни шопов. Рядом...

– Артем, – вторгся я в это бормотание бодрым предложением, – давай выпьем за все хорошее. Сейчас тяжело, а через двадцать лет, может, с такой благодарностью вспоминать будешь.

Он взялся за покрытый испариной бокал, хмыкнул, по-прежнему глядя на чипсы:

– Что там через двадцать – дожить еще надо... О'кей, решаем проблему так – женимся, делаем ребенка, пусть ему книжки читает, свою любовь дарит. Мне и десяти процентов хватит...

И с облегчением большими глотками стал пить свой «Хайнекен». А я представил, как войду в квартиру и сяду под бочок к жене. Прижмусь, приласкаюсь. Вот она удивится. Если будет уже дома, конечно.

Зима

Почти каждый день я совершаю традиционный и традиционно бесплодный обход города. Что хочу найти, я и сам не понимаю, но хожу и хожу и уже в сумерках, продрогший, злой, возвращаюсь к себе.

Наш дом называют Серой кривой пятиэтажкой. Есть еще Голубая кривая – ее панели покрыты голубоватой облицовочной крошкой. Нашу строили на несколько месяцев позже Голубой, и, видимо, на нее крошки не хватило – стены светло-серые, словно бы слепленные не из раствора, в котором должны быть песок, щебень, а просто из цемента. И прочности у них никакой – ногтем можно расковырять. Может, действительно замесили цемент с водой и залили по-быстрому... Наш дом сдали весной девяносто четвертого, с тех пор десять лет ничего в городе не строили, кроме разве что частных коттеджей, да и из них мало какие довели – в основном торчат до сих пор такие полуразвалины, заросшие травой и кустами: место для пацаньих игр.

Дом стоит удобно – по соседству супермаркет, через дорогу парк, до моря два квартала, минут десять неторопливым шагом. Квартира на четвертом этаже, двухкомнатная, комнаты отдельные, не проходные... Правда, родителям пожить здесь довелось недолго. Отец, которому и давали квартиру (он двадцать лет проработал на прядильной фабрике), умер

через год после переезда, а мать – через полтора. Рак обоих сожрал... От него многие в городе умирают, но об этом не принято распространяться – мы считаемся курортной зоной, летом здесь битком отдыхающих, а начни про рак трезвонить, наверняка перестанут ездить, и тогда нам всем быстрый и реальный каюк...

Родители умерли, и я остался единственным владельцем этих квадратных метров. Есть еще бабушкина хибара на Горе. Это далеко от моря, но Гора считается самым старым районом города. Там было одно из двух поселений, которые потом разрослись... Хибара ветхая и страшная, с мая по октябрь я в ней обитаю. Газ, главное, проведен, и на улице колонка с водой.

В этой хибаре мы с родителями жили до переезда в Серую кривую пятиэтажку. Получив ордер, звали и бабушку – «задавит тебя здесь потолком», – но она отказалась: «Пускай лучше задавит, чем море смоет». Я долго не верил, что она всерьез боится моря, да и не она одна, а большинство старух и стариков на Горе. Посмеивался над полулегендой, согласно которой с тысячу лет назад случился страшный шторм, а может, и цунами какое-нибудь, и поселение рыбаков смыло вместе со всеми жителями. А люди, жившие выше – виноградари и пастухи, – уцелели, но гибель соседей произвела на них такое сильное впечатление, что и через сотни поколений море продолжало казаться людям с Горы опасным и враждебным...

Бабушка в центре города – то есть в низине – почти не бывала; моя мама, ее дочь, тоже никогда не рвалась туда, и если отец, уроженец дальней степной области, тащил нас на пляж, выискивала разные причины, чтоб не пойти.

Да, эта боязнь моря до недавних пор была мне дика и смешна, но почему-то теперь я всё чаще думаю о том, что это тупое накатывание волн и редкие почти игрушечные штормы должны в конце концов смениться серьезным. Взбунтоваться, встать на дыбы... Наверное, множество людей ожидают и ожидали нечто подобное, но я ожидаю с чем-то вроде радости. Как какого-то избавления. От чего? Я и сам не могу себе объяснить. Всё вроде нормально. Свобода, куча времени, денег в сезон заработать можно столько, что хватит на жизнь в оставшиеся пять месяцев холодов... Только вот... Только вот пустота и тоска, такая тоска, что хочется, чтобы случилось что-нибудь пусть страшное, гибельное, но способное разбить пустоту и тоску.

Сейчас зима, февраль, и можно спать хоть круглые сутки. Но я просыпаюсь часов в пять. Долго пытаюсь забыться снова, устраиваюсь удобнее... Нет, подушка становится твердой, одеяло давит и душит. Во рту гниловатая сухость, глаза чешутся... Потом в голову начинают лезть мысли. Как провести этот день, чтобы не получился один в один как прошлый и позапрошлый, и недельной давности, месячной... Февраль, как январь, как декабрь, ноябрь... На несколько

минут фантазирование чего-нибудь необычного увлекает и одновременно усыпляет, но тут приходят воспоминания о родителях, я начинаю представлять, что чувствовала бабка, пережившая свою дочь на три года, как она мучилась в одиночестве (я тогда навещал ее редко); я пытаюсь представить себя через десять лет, через двадцать. А в основном колют и царапают мысли, не оформленные во что-то конкретное, – просто заливают мозг неприятным, гадким, разъедающим. Кислотой тоски. Именно тоски. Самое правильное слово – тоска, хоть и заболтанное, обесцененное. Но, бывает, услышишь от кого-нибудь вздох: «Тоска-а», – и ледяной судорогой сводит грудь, и тянет зареветь, как в детстве, когда тебя несправедливо обидели. Взяли и просто так, ни с того ни сего, для забавы или, хм, с тоски ущипнули, обозвали, ткнули...

Когда лежать уже невмочь, я сажусь на кровати, включаю телевизор, больше не для того, чтоб смотреть, а из-за мягкого света, который он излучает, и нахожу сигареты.

Курю, тарашусь в экран, прочесываю дистанционкой программы... Повторы вышедших из моды сериалов, черно-белые советские фильмы, клипы малопопулярных певцов... Смотреть нечего, да и вообще как-то нечего смотреть – в какое бы время ни включал телевизор, какую бы программу, всегда тянет переключить на другое или вообще щелкнуть красную кнопку.

Но щелкну, и что останется? Неживая полутьма, тишина,

рождающая мысли, от которых становится жутко. Пусть лучше это...

Давлю в пепельнице докуренную до фильтра сигарету, поднимаюсь.

Довольно тепло. Значит, на улице без ветра, – при ветре, как бы ни грели батареи, в квартире зябко. Правда, рамы я не заклеиваю – лень возиться. Да и не помогает – от этих ветров только стеклопакеты спасают...

Тащусь в туалет. Позевывая, покашливая от горькой слюны в горле, мочусь. Спускаю воду. Белый маленький счетчик над бачком закрутил свою крыльчатку, красный валик справа стал менять цифры, отсчитывая потраченные литры... Черт, опять забыл плеснуть в унитаз воды из ведра! Вот же оно, рядом, и пластмассовый ковшик плавает... Изо всех сил стараюсь экономить и постоянно срываюсь.

Но так как-то уютно, приятно становится, когда слышишь, как наполняется бачок, что-то там шипит и посвистывает...

Зажигаю на кухне колонку. Потом – плиту. Ставлю чайник... Электрочайники у нас не прижились – слишком много жрут электричества, а газ пока относительно дешевый. Да и вредны, говорят, эти электрочайники. Пластмасса. Пользуются ими в основном на работе...

Мысли, хоть и такие мелкие, ничтожные, как сейчас, разгоняют бесполезную, не перерастающую в сон дремоту; я двигаюсь быстрее, словно у меня впереди масса важных и

срочных дел.

Пару раз обжегшись (отрегулировать воду невозможно), умываюсь, надеваю треники, стеганую рубашу. Делаю чашку кофе, пью перед телевизором. Мировые новости сегодня пресные, никаких катастроф. Фильмов интересных нет (кто их будет смотреть в половине шестого утра?), по MTV какое-то реалити-шоу вроде «Дома-2», – тоже молодняк делает вид, что пытается полюбить друг друга. То обнимаются, то матерятся и бесятся. Смотреть скучно... Сейчас я кажусь себе, в свои тридцать шесть, всё знающим, всё испытавшим стариком. Хотя что я знаю, что испытал?.. Несколько секунд поисков в своем прошлом хватает, чтобы меня скрутил новый приступ тоски. Ведь ничего, совершенно ничего особенного, ничего, за что бы зацепиться, посмаковать приятное или ужаснуться, когда я был на волосок от гибели...

Ровная жизнь. И даже смерть родителей мне иногда представляется не бедой, а благом. Сейчас бы давились здесь, в этой двухкомнатке, отец бы с матерью раз в неделю ругались из-за какой-нибудь мелочи (а точнее, из-за утомления друг другом, собой, собственным бездельем), и я бы наверняка связывался в их грызню... Полно таких семеек...

Но родители умерли, почти не мучаясь (обоих рак сожрал за несколько месяцев), и оставили меня одного. Одного в этой квартире-кормилице. Я сам себе хозяин, что хочу, то и делаю, ни от кого не завишу, ни под кого не подстраиваюсь.

Только вот... Только невыносимо... Слабенькая бод-

рость, возникшая во время умывания, приготовления кофе, улетучивается, и я бессильно разваливаюсь в кресле, как переваренная рулька.

Нет, не надо! Вскакиваю, встряхиваюсь, хватаю сигарету, зажигалку. С пепельницей в руке хожу по комнатам, заворачиваю на кухню, оглядываюсь, будто ищу что-то важное. Сам не знаю что, но важное, способное помочь и спасти.

Остановился перед книжными полками... Я по несколько раз утром и вечером перед ними останавливаюсь. Внимательно смотрю на корешки... На самом деле всё читано-перечитано. Джек Лондон, Купер, Пикуль, Лермонтов, Скотт, трехтомник Александра Грина... Романтика, необыкновенные приключения, страсти и путешествия, сбывшиеся надежды... От воспоминаний о том, как жадно я поглощал всё это, становится еще хуже, и я отбегаю обратно к телевизору...

Покупать другие книги или брать в библиотеке не хочется, точнее, страшно – неизвестно, что там найдешь, под обложкой. Да и что нужно искать в моем положении? В моем непонятном положении...

Иногда я прошу дать что-нибудь почитать Наташу, но не потому, что жажду именно читать, а чтобы поддерживать отношения с ней. Брать и отдавать книги – хороший повод встречаться, разговаривать, рассчитывать на нечто большее... Хотя с нечта большего у нас отношения и начались – секс в первый же вечер знакомства, – а потом пошли по нис-

ходящей. Или наоборот, теперь они настоящие, а тот секс был приступом животности и отчаяния. Не знаю... Не знаю, не хочу анализировать, просто раза два-три в неделю прихожу в музей, где Наташа работает, и отдаю ей очередную книгу, беру другую.

Она пичкает меня Серебряным веком. В основном, конечно, стихами. Позавчера, например, дала толстенный том Марины Цветаевой. Я полистал, наткнулся на строки (уголок страницы с ними был загнут):

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких мои руки... –

и захлопнул. Дальше читать желания не возникает. Распалять в себе эту мерзкую тоску, тем более при помощи стихов, – последнее дело. А она ведь там повсюду, тоска, в Серебряном веке. Везде про умирание, распад, тревогу... Мы с Наташей несколько раз спорили, – ей, наоборот, такие стихи уверенность в будущем почему-то дают, – следующий спор может закончиться ссорой. Ссориться не хочу, боюсь. И так не с кем общаться... А до лета еще далеко.

Занимая голову подобными размышлениями, мучаясь и слегка как-то играя с этой мукой, я убиваю часа полтора. За окном светает, становится немного легче... Иду на кухню,

чтоб приготовить завтрак. Точнее, найти, что там есть пожевать в холодильнике.

В кастрюле остатки сваренного дня два назад риса. Кусок вареной колбасы, кефир...

Ставлю на плиту сковородку, наливаю немного масла. Поджариваю колбасу, разогреваю рис. Посимпатичней выкладываю на тарелку, в рисе делаю углубление, лью туда кетчуп. Отрезаю кусок хлеба. Возвращаюсь в комнату.

По телевизору как раз региональные новости. Проблемы с отоплением, сложности на дорогах – гололед; а вот и наш город: какая-то пожилая рыхлая женщина плачет. Ей вручили бумагу, что нужно в течение десяти дней освободить комнату в рабочем общежитии. Комната аварийная. «И куда я?.. Куда я?» – задыхаясь, спрашивает она, потрясая листом... Потом журналистка берет интервью у пресс-секретаря администрации. «Никто на улице не останется!» – заверяет он.

Наверное, не останется. Но я начинаю представлять, что вот такая же бумажка приходит мне. Да я с ума сойду, соображая, как упаковать вещи, что вообще делать. Хотя... Я знаю ту общагу недалеко от нефтебазы – кирпичная пятиэтажка, похожая на руины. Может, у этой женщины появился шанс изменить жизнь, получить хоть однушку, но в нормальном доме.

Да нет, какой шанс... Переселят в другую нору, потом, лет через пять, снова велют собирать в баул трусы и кастрюли и куда-то идти. И так до конца... Мне хочется, чтобы на ее ме-

сте сейчас была девочка лет двадцати пяти. Плачет и спрашивает в камеру: «И куда я? Куда?!» Не очень симпатичная, простоватая, глуповатая; но это даже хорошо... И я мчусь к ней, предлагаю: «Переезжай ко мне». Конечно, никаких прописок – пусть живет на правах домработницы. Отведу ей комнату, буду раза три в неделю с ней спать, изредка вывести в кино или в кафе...

Усмехаюсь этим фантазиям, отношу пустую тарелку на кухню. Мою. Когда открываю горячую воду, колонка начинает выть, как немецкий самолет в фильмах про войну.

Закончив, выключаю газ, поворачиваю вентиль на трубе.

Смотрю в окно. Серовато, пусто, деревья неподвижны... Да, ветра нет, и это редкость. Прогулка сегодня должна получиться приятной... Прогулка... Скорее, панический поиск непонятно чего. Неизвестно чего.

Шляюсь по знакомым, с детства изученным улицам и ищу, ищу. Вот сейчас возьмет и блеснет это нечто. Озарит, согреет, спасет. Как в книгах... В каждой из нескольких десятков прочитанных мной за жизнь книг что-то случается хорошее. Конечно, герой преодолевает массу преград, проходит кучу испытаний, но в итоге обретает счастье.

Я тоже готов преодолевать преграды, согласен даже погибнуть. Но где эти испытания, где враги, с которыми нужно сражаться? У меня – вереница бесцветных дней, вроде бы вполне благополучных, но они складываются в пустой год, и этот год уходит в небытие. Растворяется, будто и не было. Ни

какого-нибудь десятого февраля, ни двадцать третьего января, ни семнадцатого января, ни даже четвертого декабря – дня моего рождения.

Летом еще более-менее – летом тепло, многолюдно, суетливо и празднично в нашем городе, и ощущение, что найдешь нечто спасительное, сильнее. Хотя ближе к холодам становится ясно: это обман. Глазение на девушек в купальниках, танцы и катание на аттракционах, два-три-четыре совокупления с подпившими лохушками, пачечка полученных за съём квартиры, за таскание шезлонгов и разные мелкие подработки денег, вот и всё. И дальше семь месяцев почти полного одиночества, почти полной тишины и непрерывной тоски. Но в эти холодные месяцы я начинаю искать еще активнее – кажется, что меня, одинокого, на пустынной улице, это спасительное нечто заметит скорее, чем в летней суете... Или я его замечу и обрету?.. Какая разница...

Да, от такой жизни немудрено и заговариваться, впасть в какую-нибудь веру. У нас зимой в городе и людей почти нет, но кто остается – поголовно верующие. Разнообразные христиане, свидетели Иеговы, мусульмане, караимы, даже сатанист один есть – живет в доме напротив. На закате у него обострения наступают, и он проповедует с балкона. Никому угрозы не представляет, не пристаёт со своей верой, и его не трогают... Наташа верит в поэзию, моя одноклассница Ира – в принца. Да, все во что-то или в кого-то верят.

Медленно, как бы тайком от себя самого я собираюсь на улицу. Вот сменил треники на джинсы. Побродил, подобрал свитер со спинки дивана... Потаскал по щекам лезвия электробритвы... Еще побродил по комнатам. Выключил телевизор.

Ну что, пора идти. Пора искать.

Посмеиваясь над собой, обзывая шизоидом, романтиком, открываю дверь, выхожу на площадку. Запираю оба замка. Что ж...

Спускаюсь по лестнице. На щитках – навесные замки, части счетчиков нет – жильцы переставили их внутрь квартир вскоре после заселения. От греха подальше. Воровали тогда всё подряд – белье с веревок во дворе, колеса у машин или целиком машины, провода срезали, оставленные на минуту тазы и ведра возле подъезда... Может, даже не из-за нужды воровали, просто время было такое, когда не воровать было труднее, чем тащить всё, что плохо лежит.

Сегодня воруют меньше и вообще как-то бережнее друг к другу относятся. Словно оставленная на утонувшей подводной лодке команда. Знают, что уже не спастись и убивать друг друга бессмысленно. Так вот бродят по кварталам-отсекам, чего-то ищут, на что-то надеются. Очередное лето дает очередную надежду, пусть слабую и иллюзорную, а очередная зима добивает...

Мусоропроводы заварены. Уже лет десять мусор выносим в контейнеры, стоящие во дворе. Сделано это в целях эко-

номии – сгружать в машину содержимое трех металлических коробов дешевле, чем подгонять ее к каждому подъезду. Да и для нищих (настоящих бомжей у нас, кажется, нет, а нищих немало) – возможность покопаться в отходах, найти что-нибудь для себя нужное.

Поначалу многие ленились нести ведра и пакеты от квартиры до контейнеров – валили мусор или возле бесполезной теперь трубы, или у дверей камер приемников; некоторые, живущие на верхних этажах, выбрасывали его из окон.

Но постепенно приучились. Постепенно ко многому приучаются. У некоторых, знаю, экономить на всем – цель жизни. Даже не из-за нужды, а просто. Это у них типа спорта. Встречаются и хвалятся друг перед другом: «А я в прошлом месяце на три десятых кубика воды меньше потратила!» – «А я света нажег на сорок семь киловатт всего. Учись!» И когда слышу такое, представляется, как на ощупь передвигаются по темной квартире и делают глоток воды, когда хочется выпить всю чашку, как недокипяченной водой чай заваривают, пасту на щетке оставляют, чтоб ей же вечером зубы почистить, сталкивают говляшик палочкой в сухую дыру унитаза. «Экономия!»

Стоило во двор выйти, со всех сторон – из кустов, из-под жестяных гаражей, из подвальных отдушин – ко мне бросаются кошки. С десятков, а может, и больше. Но увидели, что в руках нет ни кастрюли, ни пакета с объедками, тут же потеряли интерес и потрусили в свои укрытия. Две-три недо-

вольно мявкнули, словно я обязан был их угостить.

Кошек в нашем городе полно. Думаю, что сейчас их больше, чем людей. Они не то чтобы бездомные, а какие-то общие. Пожилые женщины и дети их подкармливают, играют, гладят. У нас любят кошек. Даже собаки не трогают.

Мне часто кажется, что кошки и есть хозяева города, что им одним здесь по-настоящему хорошо. Я не вижу богачей, действительно дорогих автомобилей; у нас нет шикарных отелей, закрытых клубов и тому подобного; элитных собак я тоже не встречал. А вот кошки разные, немало, видимо, и породистых. Но главное – они ведут себя как короли жизни. Даже в ненастные дни находят удобные и уютные пяточки, лежат и поглядывают на торопящихся с презрением и недоумением. Дескать: «Зачем бегать? Бегай, не бегай – ничего не набегаешь».

Город я обхожу то по большому кругу, то по малому. Малый – это в общем-то центр, а большой... Сегодня погода позволяет совершить этот большой круг... Сначала на восток по улице Сиверса до забора пустующей военной базы (она вообще-то охраняется, но солдат там нет уже лет пятнадцать). Потом по Геологической, Таманской – на север. Мимо нефтебазы, элеватора, ТЭЦ, руин прядильной фабрики, на которой работали мои родители... Таманская улица постепенно поворачивает на запад; я перехожу на Вторую Профсоюзную, плетусь мимо школы-интерната, стади-

она «Кристалл», детского дома. Справа начинаются поросшие деревцами холмы, затем холмы сменяются оврагами и карьерами. Вторая Профсоюзная, уперевшись в очередной овраг, кончается, но немного южнее начинается улица Володарского.

Какие-то склады, ангары, ржавые ворота, запертые на такие же ржавые навесные замки. Дальше – довольно крутой подъем. На более-менее ровных участках склона – хибары. Это и есть поселение виноградарей. Домишки покрыты черепицей, тяжелой и крепкой, надежной. Из-за этой черепицы хибары напоминают присевших и умерших ящеров. Пришли сюда миллионы лет назад попасться, присели, спрятали головы и ноги, оставив на виду шершавые, покрытые панцирем спины, и так вот остались. И в их скелетах поселились люди. И живут...

Я открываю хлипкую, из жердей, калитку. Вхожу в свою хибарку. Проверяю, все ли нормально. Осторожно поталкиваю держащие центральную потолочную балку подпорки. Иногда топлю собранным вокруг ограды мусором печку, чтоб дать понять хибарке, что о ней заботятся и разваливаться пока рано.

Слушая, как щелкают щепки и сучки, шипит пластик бутылок, я вспоминаю родителей, бабушку, представляю деда... Он серьезно отремонтировал этот домик в начале шестидесятых и вскоре умер. Снова ремонтировать бесполезно – надо перестраивать. Хибарке лет сто, а может, двести...

Если верить бабушке, наша родова жила здесь всегда. У нас и на Старом кладбище есть свой участок. Она водила меня в детстве, показывала, кто где лежит, перечисляла имена покойников... Мои прадеды и прапрадеды, их племянники, племянницы, братья, свекрови, золовки...

Теперь я редко бываю на кладбище. Тяжело не то чтобы видеть могилы мамы и отца, а думать, что я вполне могу оказаться последним на этом фамильном прямоугольнике. Да и наверняка меня здесь не похоронят, напиши я хоть сто завещаний с просьбой об этом. Закопают на Новом в степи. Мне стоило больших усилий похоронить маму здесь, рядом с ее мужем, а ей до того пришлось долго хлопотать о захоронении там своего мужа. «Ну как он один среди чужих будет лежать? – помню, плакала, сама уже больная, полумертвая. – Там и место есть... Все санитарные нормы... Пожа-алуй-ста!» Ей пошли навстречу, потом навстречу пошли мне – я тоже очень просил. А кому пойти навстречу в моем случае? Если умру дома, меня и не хватятся, пока не запахну...

Весной, перед Пасхой, я подновляю надписи на памятниках родных, убираю мусор. Года три назад поправил металлическую витую ограду, которой кто-то когда-то обозначил наш участок, но она снова покривилась – ржавчина съедает столбики. Необходимо менять хотя бы их, но на это понадобятся деньги. Прилично денег. Вообще-то я могу скопить, но есть ли смысл продлевать жизнь этой ограде? Через тридцать, или пятьдесят, или семьдесят лет она все равно упадет,

через сто лет повалятся памятники, участок зарастет кустами, деревьями...

В хибарке почти всё так же, как и при бабушке. Темная тяжелая мебель, в основном самодельная (мастерила потомственно одна семья до начала восьмидесятых, потом на их комоды, столы, буфеты спроса не стало, и семья как-то распалась и вымерла), обесцветившие от пыли занавески, репродукции картин Шишкина. Телевизор «Рубин» на комод, и сам напоминающий комод. Я бы давно сменил его на современный (цены сейчас на телики, да и вообще на аппаратуру смешные), но показывает хорошо, хотя нагревается долго, и иногда что-то в нем начинает гудеть, и тогда кажется, что вот сейчас «Рубин» вспыхнет, взорвется. Нет, не взрывается, гудение смолкает... Просто так брать и тащить на свалку – жалко. Пускай живет пока. Тем более в квартире у меня «Самсунг»; но летом его смотрят квартиранты-туристы. Без телевизоров, как и без стиральных машинок, утюгов, кондиционеров или вентиляторов в крайнем случае, квартиры копируются слабо. Некоторые отпускники уже и без интернета вселяться не хотят: «А как мне с миром общаться?! Нет уж, спасибо».

Попроведав домик, спускаюсь по улице Овражной до школы номер три, в которой учился. Если встречаются люди, здороваюсь. Правда, знакомых почти не бывает... Когда живу здесь летом, то ни с кем не общаюсь. Соседи смени-

лись, теперь это какие-то то ли переселенцы из сел, то ли бедные дачники, которым не хватило средств на нормальные участки. Они копают сухую каменистую землю, пытаются здесь что-нибудь вырастить, но ничего не растет. Хорошая земля дальше, на противоположном склоне холма. Там виноград. Наверное, и поселение основали именно здесь, чтобы не занимать плодородную почву. Впрочем, вид неплохой: далеко внизу море, отсюда безопасное, игрушечное, город, живописно лежащий серпом вдоль залива. Зелень парков, купола цервей, минарет мечети, башни остатков крепости...

Да, население этого района за последние двадцать лет сменилось чуть ли не полностью (кому-то дали квартиры, как нам, другие уехали, кто-то умер). Кой-какие хибарки совсем покосились, даже стекла потрескались из-за покривившихся рам, но в них живут... В народе район называют теперь Би-чёвка. Хм, а когда-то Виноградным... Ладно хоть не воруют.

Школа всё такая же. Двухэтажное белёное здание с выцветшей надписью над входом «Добро пожаловать!» Рядом спортивная площадка – турники, шведская стенка, баскетбольные кольца без сеток... Спортивные сооружения каждую весну красят, но краска отколупывается, шелушится, и наружу лезет колючая ржавчина. Когда-нибудь очередной школьник станет подтягиваться, и турник рухнет; метнут мяч в кольцо, а оно рассыплется в пыль...

От школы поворачиваю на запад, на Подгорную. Миную Пенсионный фонд, Центр занятости – недавно построенный,

трехэтажный, с большими зеркальными окнами. Я оформлялся как безработный еще в другом месте – в кабинетике при собесе. Потом – в начале двухтысячных – наплыв граждан стал таким мощным, что пришлось возводить отдельное здание. Но вскоре обращаться в Центр почти перестали. То ли ищущие работу закончились, то ли своими силами проблемы решают, то ли просто плюнули... Раз в месяц мне приходят на книжку несколько сотен, в определенный срок я переоформляю документы, пропускаю положенные законом сроки на право получения пособия; иногда меня вызывают, чтоб предложить устроиться то дворником, то грузчиком, то курьером. Я отказываюсь. Отказываюсь не нагло, конечно, чтоб не злить тетенок, ссылаюсь на боли в спине (они действительно бывают, пару раз даже «Скорую» вызывал, просил укол поставить), на предрасположенность к простуде. «Нет, дворником никак... Я не брезгую, но... Зимой постоянно на бюллетене буду... Летом... У меня солнечный удар в детстве был... Не могу долго на солнце... Курьером?.. Извините, но ведь это для студентов... Может быть, подождем, когда что-то серьезное появится. Я ведь все-таки техникум окончил...»

Тетеньки соглашаются. Они явно не горят желанием устроить меня на работу во что бы то ни стало. Да им, кажется, самым неловко предлагать мне, тридцатилетнему, имеющему диплом со специальностью «Монолитное строительство», работу, которую может выполнить и дрессирован-

ная обезьяна.

Да и появишь подходящая вакансия, я вряд ли ее займу. Я нигде никогда не работал – только подрабатывал, – не могу представить себя месяц за месяцем, год за годом идущего одним маршрутом в определенное место, пребывающего там по восемь часов... Помню, как после довольно долгого перерыва столкнулся в ресторане «Прибой» со своей одноклассницей Ириной. Я зашел туда однажды, решив вкусно поесть, выпить хорошей водки. И увидел ее в фартучке, с этой белой официантской наколкой на волосах. «Ты что здесь делаешь?» – изумился. И услышал спокойно-усталое: «Я здесь старею». Я не хочу попадать в ситуацию, когда и мне подвернется на язык подобный ответ.

Лучше уж стареть в одиноком кружении по городу.

От Центра занятости на юг ведет улица Победы. Очень тянет свернуть на нее и через десять минут оказаться у моря. Поговорить с Ириной, Наташей... Но я иду на запад по Октябрьской, убеждая себя, что мне очень нужно увидеть то-то и то-то, и внутри крепнет уверенность, что там-то, или там-то, или там-то вдруг произойдет неожиданное и в то же время давно ожидаемое. То, что изменит вялое и бесцветное течение жизни. Моей маленькой, но родной и единственной жизни... Я не верю в реинкарнацию и тому подобное. Это придумали для того, чтобы не слишком сильно страдать от пустоты и преснятины. «Если в этой жизни не повезло, зна-

чит, в следующей повезет чуть больше», – саркастически поется в одной песне. Да, многие только на это и надеются.

Октябрьская выводит меня к храму Всех Святых. За ним – Старое кладбище, напротив храма – автовокзал. Я вижу таблички на лобовых стеклах автобусов с названиями ближних и дальних городов. Даже «Волгоград» есть. Но почему-то не верится, что автобусы окажутся в этих городах, что они вообще сдвинутся с места. К тому же и пассажиров в них нет, и водительские места пусты. Пуста и привокзальная площадь. Совершенно пуста. Ни одного человека, ни собак, даже ветер не гоняет бумагу и целлофановые пакеты. Застывший умерший мир.

Становится жутко. Я закуриваю, но тут же сбиваю уголек с сигареты и торопливо вхожу в церковь.

Уютная полутьма, иконы, лампадки; женщина в платке отковыривает столовым ножом воск с желтого подсвечника... Стою и радуюсь, глядя на ее движения. Энергичный, немеханический скрежеток металла о металл – как музыка... Мысленно объясняю себе, что все нормально, люди есть, просто греются внутри автовокзала, что в положенное время водители сядут за руль, заведут моторы, в салонах наберутся по десять, пятнадцать, тридцать пассажиров. Может, поругаются слегка из-за каких-нибудь пустяков, из-за мешка в проходе, и покатают в Ростов, Краснодар, Волгоград...

– Свечку хотите купить? – громким шепотом спрашивает женщина.

Я мотаю головой:

– Нет-нет. – И вижу в ее взгляде вопрос: «А зачем пришел тогда?»

Может, да наверняка она так не думает, но в глазах читается именно это.

Мне становится неловко, и через несколько секунд я выхожу на улицу. Снова закурываю сигарету. Быстрым шагом двигаюсь в Старый город.

В школе нас приучали любить и уважать историю родного края. Нам рассказывали, что город наш был основан в четвертом веке до нашей эры, входил в Боспорское царство, а до этого здесь жили какие-то меоты, синды... В тринадцатом веке городом владели генуэзцы, построили огромную, кажется, крепость (следы ее встречаются на территории почти всего Старого города, часть стены с двумя башнями уцелела). В середине четырнадцатого века город завоевали золотоордынцы, потом он принадлежал Османской империи. В конце восемнадцатого и начале девятнадцатого веков русские несколько раз брали город, но их выбивали. Говорят, потери с обеих сторон были огромны. В конце концов русские победили... В тысяча восемьсот пятьдесят пятом году город заняли англичане. Правда, через три месяца убралась... Во время Гражданской войны власть менялась раз десять. После каждой смены происходили казни и чистки. Красные, белые, казаки, анархисты... В сорок втором году

город в очередной раз был почти стерт с лица земли, население уничтожено или бежало. Кто на восток, кто на запад...

Да, история бурная и богатая, даже и не совсем верится, что из-за этого кусочка земли погибло столько людей, столько крови в нее впиталось. Тем более что в краеведческом музее (двухэтажный домишко из нескольких залов) практически нет доказательств того, что написано в исторических книгах. Несколько изъеденных ржавчиной сабель, пяток стеклянных осколков, которые являются (как утверждает подпись) фрагментами итальянских бокалов; изразцы, бусинки, камни, в которых скорее угадываются, чем видятся человеческие фигурки...

Я не очень-то верю в историю. Точнее – в грандиозность происходящих в прошлом событий. Например, что наш город восемьсот лет был крупным торговым центром, портом, в котором стояли под погрузкой и разгрузкой десятки кораблей... Но что-то, конечно, было. Было и кануло в небытие почти бесследно. Миллионы людей прожили на этих квадратных километрах свои жизни. Некоторые умерли своей смертью, многих убили. Кто-то погиб героически, кто-то наверняка был потенциальным гением, кто-то был божественно красив... Только кого запомнило человечество? Да никого. И нечего выставлять в музее... А что останется от нашего времени через тысячу лет, после парочки катастроф? Да наверняка тоже какие-нибудь обломки, осколки, мелочи...

Но вот, правда, единственная оставшаяся от прошлого

немелочь: кусок стены и две башни возле самого моря. Конечно, полуразрушенные, осыпавшиеся, но все равно внушительные. И невольно представляется, как тащили сюда отесанные камни, клали один на другой при помощи разных приспособлений, рычагов. Или пленники изнуренные строили, или сами генуэзцы – крепкие, активные, весело подбадривающие друг друга, уверенные, что за этими стенами будут жить их потомки до скончания веков... В заливе на волнах покачиваются корабли со спущенными парусами, на берегу – шатры, бочки с вином и порохом.

Пять, десять, сто лет строились пояса стен и башен, дома и церкви внутри их. Росло население, богатело... И вот к стенам подходят чужие, желающие город завоевать. Происходит штурм, но он неудачен. Осада. Летят в город камни и горящие стрелы, долбят укрепления стенобитные орудия... В книгах написано, что генуэзцы держались до последнего. Наконец в стане осаждающих началась эпидемия чумы. И хан приказал метать за стены тела умерших. Лишь несколько генуэзцев уплыли на одном корабле. Завоеватели ворвались в опустевший город, набрали добра, но почти все поумирали.

Через какое-то время жизнь вернулась, и возвращалась еще не раз. Что ж, место удобное. Но крепостей уже не строили, видимо, зная, что в один прекрасный момент найдутся те, кого стены не остановят. И дома стали не такие крепкие (уцелело у нас несколько древних зданий – из каменных блоков, с узкими окнами, плоскими крышами, напоминающими

могильные плиты).

И вот сейчас рядом с гонуэзскими башнями наклеплены хилые домишки, сараюшки, сортиры, окруженные символическими заборами. На два-три поколения рассчитаны эти постройки, не больше. Не дольше.

Здесь, рядом с башнями, мне и хорошо, и тоскливо. Будто нахожусь в нужном месте, но я опоздал, и нечто важное уже случилось. Не исключено, что оно произойдет снова, но когда – неизвестно. А ждать – тяжело.

Да и как ждать? Это только литературные герои могут сидеть годами и глядеть вдаль с надеждой, а живые... Вот потоптался минут десять под одной из башен – и уже стал коченеть, и в туалет захотелось, и голод почувствовал. Надо идти дальше, туда, где и зимой теплится хоть какая-то жизнь, где кафешки с туалетами, ресторан «Прибой» с Ириной, музей с Наташей. Где есть шанс встретить тех, с кем можно словом перекинуться.

И по Портовой улице я шагаю на восток, к центру города. Небольшого приморского городка, в котором живу.

Слева четырехэтажные дома. Раньше в них жили семьи моряков и портовых рабочих, а теперь непонятно кто. Справа – здание порта, железобетонные заборы, стальные ворота с нарисованными якорями, большинство из которых не открывали уже много лет (даже деревца кое-где перед ними выросли). Вот показались краны. Неподвижные, с повисшими стрелами. Напоминают дремлющих жирафов. Или боль-

НЫХ...

Порт пуст, причал – тоже.

Нет, вот перед широкими решетчатыми воротами, к которым ведут рельсы, медленно проходит человек с ружьем за спиной. Часовой... Смешно. Что он охраняет?.. Да наверняка есть что. Страшно сознавать, что ничего не осталось...

Дохожу до железнодорожного вокзала. Симпатичное здание салатного цвета; несколько путей, разъезды, стрелки, тупики... Наш город – конечная станция. Южнее на побережье – курортные поселки, санатории, профилактории, заповедник. Часть пассажиров поездов летом сразу пересаживается на автобусы и едет туда. Там, конечно, лучше отдых, но и цены раза в три выше на всё, поэтому не особо имущие, тем более с детьми, предпочитают проводить свои отпуска здесь. А что? Пляжи есть, в том числе и песчаный, загазованность невысокая, кафешек, ресторанов, аптек, магазинов полно. Квартиры дешевые, комнаты копеечные. А то, что по онкологии наш городок первый в регионе, не афишируется. Да и кто знает наверняка, что на первом? И может, случайно так получается. Подобрались люди, предрасположенные к раку. И никакие ракеты ни при чем.

Поговаривают (тихо, между собой), что это из-за военной базы на восточной окраине. Дескать, там в шахтах хранятся ракеты. Межконтинентальные, крылатые... Потом базу закрыли, а оружие осталось ржаветь, испускать радиацию.

Никто своими глазами ракеты не видел, в шахты не про-

бирался, но упорно винят в раке базу. Скорее, чтоб найти для себя причину, – непонятность ведь хуже всего. Да и наверняка обида мучает – вот сколько лет жили рядом со стратегическим объектом, в опасности, но и с сознанием, что являются щитом Родины, и вдруг часть этого щита откололи и бросили, и люди стали не нужны. Да вдобавок должны глотать радиацию...

Не знаю, не знаю. Может, и правы они. По большому счету правы – обидно быть ненужными. Тошно от нынешней свободы.

Зимой к нам прибывает один пассажирский поезд в сутки. Зато в сезон бывает до пяти дополнительных. Площадь тогда забита палатками и лотками, везде жарят мясо, пекут пиццу, осетинские и караимские пироги. Шумно, суетливо, празднично, дни и ночи мелькают с бешеной скоростью, но кажется, что лето не кончится, всегда будет вот так – жарко, ярко, многолюдно. А потом, в середине октября, резко холодает, и город пустеет. Большая часть кафе и ресторанов закрывается, палатки, лотки, тенты убирают на склады. И создается впечатление, что часть города исчезает. Действительно, в прямом смысле. Пусть не главная часть, но все-таки именно та, ради которой к нам сюда едут туристы, поддерживают своими деньгами наше существование. Без этой части горожане впадают в спячку. Тяжелую, не прибавляющую сил.

Но вот есть пятачок, где жизнь теплится и сейчас: Земская

площадь. Метров двести от набережной; окружена краеведческим музеем, городской картинной галереей (с полтысячи пейзажей города и его окрестностей), центральным офисом банка, гостиницей «Прибой», рядом с которым одноименный ресторан. На площади несколько сувенирных киосков (вдруг кто из зимних гостей захочет купить раковину, или залакированного крабика, или брелок, магнитик); абхаз Насибей упорно поддерживает тлеющие угольки в своем мангале в надежде, что появятся голодные гости и скажут: «Пять!.. Нет, десять шампуров давай-ка, друг! Да вина, да помидоров, да сыра!»

Завидев местных, Насибей зазывает и их на всякий случай.

– О, дорогой! – улыбается мне. – Кушать хочешь?

– Хочу, – тоже улыбаюсь, принимая игру; этими словами мы обмениваемся каждый раз.

– Барашка, свинку, курочку?

– Угощаешь?

Насибей страдальчески ломает брови:

– Ох, да я бы с радостью. Не могу, знаешь. Но совсем мало возьму! Сто пятьдесят целый шампур. От и до! Давай?

Иногда, но редко, я соглашаюсь. Сажусь за пластиковый стол под брезентовым зонтом, надежно закрепленным веревками и камнями, и жду, наблюдая, как Насибей с любовью готовит шашлык. Курю, смотрю в сторону моря, и мне кажется, что я где-то в другой стране. На побережье Бискай-

ского залива или Балтийского моря; я приехал сюда зимой, чтобы отдохнуть от суеты родного города... Потом ем мясо, запиваю вином или проглатываю рюмку-другую домашней Насибеевой чачи.

Сегодня я поблагодарил и отказался.

Во-первых, не стоит столоваться у Насибей слишком часто, тем самым демонстрируя, что я как-то завишу от его вкусных шашлыков (вполне может из-за этого цену поднять, да и просто свое превосходство надо мной почувствовать); во-вторых, в «Прибое» теплее, чем здесь; в-третьих, денег просто жалко – сто пятьдесят хоть и мелочь, но если выкладывать по сто пятьдесят три раза в неделю, то в месяц получается около трех тысяч. Плюс чача, плюс помидоры, хлеб. Жирновато... А главное, с Ириной просто так не пообщаешься – надо что-нибудь заказать.

– Спасибо, Насибей, может, завтра, – говорю шашлычнику и скорей отворачиваюсь, но успеваю заметить, как оползает его улыбка; потеря потенциального покупателя, ясно, не сахар...

Ресторан «Прибой» – вот он, напротив. Расположен в старинном двухэтажном доме. Залы на обоих этажах; в сезон есть открытая веранда, столики устанавливают и на балконах. Сейчас открыт лишь один зальчик – ближайший к кухне.

Открываю дверь – звенькает колокольчик, – вхожу, опускаю воротник, разминаю замерзшие пальцы. Взглядом ищу

Ирину. По моим подсчетам, сегодня ее дежурство...

Появляется, на ходу поправляя старомодную белую наколку на волосах (руководство ресторана почему-то считает эту деталь обязательной для официантки), отвернув лицо и потому не видя меня. Увидела, и на лице мелькнуло разочарование. Конечно, в эти секунды, когда услышала звяк колокольчика и пошла встречать посетителей, успела нафантазировать... А тут я, пресный завсегдатай. Закажу от силы на пару сотен, и главное – надоел я ей до предела, известен каждым жестом и словом. Я уверен, что она с радостью бы меня сюда не пустила, но принимать любого, обслуживать – это ее работа. За это платят деньги.

– Привет, – говорю изо всех сил душевно.

– Добрый день, проходи... – Она направляется к барной стойке за меню. – Гардероб, извини, закрыт.

– Да я на стул...

Смотрю ей вслед. Сочная нерожавшая женщина. Нельзя сказать, что до сих пор юная, хотя что-то сохранилось в ней девичье, то, что и отличает женщину от тетки... Но... Но у такой больше нет запредельных запросов, несбыточных целей – такой подойдет тихое благополучие, сносный достаток, который обеспечивает муж. Жаль только, что она не верит, что я могу ей это дать. Поженись мы, и Ирина так же будет изнывать по три-четыре дня в неделю в пустом пять месяцев в году ресторане, а в остальные семь месяцев метаться с подносом от кухни до столиков, сходить с ума от обилия

заказов, бояться обсчитаться, ошибиться в блюдах.

Ей хочется сменить работу или стать не испытывающей нужды домохозяйкой, если уж невозможно оказаться светской львицей, но никаких признаков перемены участи не ощущается. Нет, нечто витает, призрачно дразнит, намекает (как и мне), что надежда остается, и это самое обидное. Лучше бы уж полная безнадега. Вылилось на лицо кипящее масло...

Иногда из «Прибоя» Ирина идет ко мне. Очень редко. Мы занимаемся сексом. Жарко, грубовато, но молча, без поцелуев и ласковых слов... Мне кажется в эти минуты, что Ирина не со мной, а с кем-то другим, и, что самое неприятное, я сам себе представляюсь не собой. Представляюсь богатым, крепко вцепившимся в жизнь мэном, которому по праву досталась такая женщина. С отличной фигурой, мягкая, гладкая, приятно пахнущая.

Потом Ирина быстро одевается. Я прошу остаться, мне хочется уснуть, обнявшись с ней, чувствовать ее во сне, но она уходит. С каким-то таким видом, словно пытается понять, как она сюда попала, что это с ней... И через месяц-два-три снова оказывается у меня, снова бьется на мне и подо мной, а потом торопливо натягивает колготки, цепляет крючки лифчика, размыто оглядывая комнату...

Прошлый такой вечер был у нас около месяца назад. Скорее всего, в ближайшее время мне рассчитывать не на что.

– Пожалуйста. – Ирина подает папочку меню. – К сожалению

нию, не всё в наличии.

Это не сюрприз – готовят зимой один какой-нибудь суп, два-три блюда на второе, трюечку салатов. Посетителей-то, мягко скажем, не густо, и если уж кто приходит, не станет кочевряться, – съест, что дадут, утолит голод и пойдет дальше по своим делам.

– А что есть? – спрашиваю, глядя на Ирину. Она стоит надо мной в белой кофточке, в черной юбке, прикрытой спереди кружевным передником. На лице аккуратная косметика, запястья голые, розоватые, даже на вид мягкие и нежные. Вообще вся она аккуратная – во-первых, работа такая, а во-вторых, всегда готова понравиться подходящему человеку. Человеку, который выдернет отсюда в лучшее.

После школы Ирина уехала, училась где-то, работала, даже вроде замужем побыла (подробно о прошлом я ее расспрашивать опасаясь, догадываясь, что счастья там особого не случилось), а года три назад вернулась сюда. Домой. На родину.

– Салаты «Витамин» и «Столичный». На первое – солянка, – без раздражения перечисляет она. – На второе есть котлеты «Домашние», куриные грудки под сыром, пельмени... Сок, кофе, чай в ассортименте.

– Отлично! – улыбаюсь. – Значит, солянку, пельмени и сто граммов водки... попроще.

Ирина не записывает – такой набор нетрудно запомнить. Уточняет:

– «Медофф» подойдет?

– Само то.

– Пельмени с чем? Майонез? Масло? Сметана?

– Сметана.

– Хлеб?

– Пару кусочков черного.

– Хорошо. – Она идет на кухню.

Достаю из кармана пальто сигареты. Некоторое время кручу пачку пальцами. Потом вынимаю сигарету, вставляю в рот. Вспоминаю, что зажигалку не достал. Нахожу. Закуриваю. Замечаю, что волнуясь, и назло волнению разваливаюсь на стуле, с силой пускаю дым вверх, к потолку. С ленцой (надеюсь, со стороны это выглядит именно так) оглядываю зал.

Громоздкая мебель, тяжелые портьеры, шторы. Кондиционеры спрятать, плазму со стены снять, и можно снимать фильм про советское время. Но туристам нравится – летом здесь вечно битком. Как-то солидно по сравнению с фастфудом и пиццериями, цены терпимые, вентиляция... А сейчас пусто, холодновато, уныло, даже едой не пахнет, хотя кухня за дверью. Впрочем, если себе внушить, именно сейчас можно ощутить себя королем жизни. В кармане пять тысяч (на всякий случай всегда держу при себе часть сбережений). Наказывать всего самого дорогого, наобещать Ирине золотые горы – наврать, что наследство, например, получил и готов уехать с ней в Питер, где, дескать, умершая тетка мне

квартиру оставила. Оторваться по полной, гульнуть с Ириной (она сразу, услышав, что я стал другим, в меня влюбляется) не в этом осточертевшем обоим «Прибое», а в другом каком-нибудь месте. Потом страстная ночь в снятом номере гостиницы, завтрак в постели... А дальше? К сожалению, жизнь продолжится, и впереди – много-много дней. Тысячи дней, каждый из которых нужно переживать.

– Пожалуйста. – Ирина ставит передо мной большую тарелку с солянкой, хлеб, графинчик и рюмку. – Пельмени варятся.

– Спасибо. – Тушу окурок в стеклянной пепельнице с надписью «Marlboro». – Посидишь со мной?

Посетителей, кроме меня, никого, и Ирина присаживается напротив. Поднос кладет на соседний стол.

– Всё ходишь? – спрашивает с сочувствующей, но и, кажется, снисходительной полуулыбкой.

– Да, хожу... А что еще делать... Вариантов немного...

Вообще-то говорить не о чем. О прошлом, что нужно, мы сказали и рассказали друг другу уже давно, что не нужно – не скажем никогда. Канва нынешней жизни нам тоже известна подробно. Конечно, какие-то детали мы друг от друга утаиваем (Ирина скорее всего ничего не знает о Наташе, точнее, о моих визитах к ней, а я не знаю, есть ли у нее секс с кем-то помимо меня), но если я прихожу в «Прибой» и пока меня встречает Ирина в своей форме официантки, значит, никаких существенных событий ни с ней, ни со мной не произо-

шло.

– А у тебя какие планы? – задаю ответный вопрос. – Свободна вечером?

Ирина пожимает круглыми, наливными плечами:

– Сегодня футбол. Должен собраться кто-нибудь. У нас бокал пива бесплатно. А потом... – Она делает паузу, словно бы определяя, необходима ли ей уже близость с мужчиной или можно еще потерпеть. – Закончится поздно, одна мысль будет, как до кровати дошлепать.

Я покачиваю головой. Вожу ложкой в тарелке. Есть сейчас как-то неловко. Пошло, что ли... Не нахожу ничего лучше, чем ляпнуть:

– Что за футбол-то?

– «Арсенал» – «Барселона». Лига чемпионов.

– М-м! На это должны прийти. Команды знаменитые. Месси, Аршавин...

Губы Ирины снова потянулись в неопределенной полуулыбке. Она кивает на тарелку:

– Ешь. А то остынет. – Поднимается. – Сейчас пельмени принесу.

Я выпил рюмку водки. Похлебал солянку. Колбасы и мяса не в обиду. Сытная. Но, кажется, не совсем свежая. Или маслин слишком много... Искал, искал, что бы сказать Ирине новенького, такого, чтоб она засмеялась, оживилась хотя бы. Снова мелькнула мысль (ненавязчивая, честно признаться) наврать, что я разбогател... Хмыкнув, отогнал ее, еще заки-

нул в себя несколько ложек.

Ирина вернулась с пельменями. Поставила тарелку по левую руку от меня, но не рядом, чтоб не мешала.

– Ир, – сказал я, чувствуя, что она сейчас пойдет к барной стойке.

– Да? – бесцветный отклик.

«Я люблю тебя... Не могу без тебя жить... Давай поженимся... Давай я продам квартиру, и уедем», – прощелкали в мозгу фразы, и ни одну из них я не смог произнести вслух. Не потому, что не решался, а просто... Просто знал, какой будет реакция. Эта ее полуулыбка, но уже не странная, а однозначно насмешливая. Которая вполне может стать знаком: та ниточка, что связывала нас, рвется навсегда... В какой-то песне есть слова: «Женщины, которых, как реки, не повернуть вспять». Когда женщина по-настоящему начинает тебя презирать, ее расположение ничем уже не вернешь. Лучше уж пусть остается как есть. Несколько раз в неделю буду приходить сюда и обедать, раз в месяц-два Ирина будет оказываться на час-другой в моей квартире...

– Ир, – говорю вслух. – Я сегодня приду на футбол. Можно?

И она невесело, но без всяких полутонов улыбается. Это действительно улыбка.

– Да конечно! Буду рада.

Я наливаю еще водки и глотаю. Закусываю вываленными в сметане пельменями... Пельмени здесь хорошие, с нату-

ральным фаршем.

– Буду болеть за «Арсенал», – говорю. – А ты?

– Мне «Барселона» всегда симпатичней.

– А в «Арсенале» Ван Перси. Он уж симпатичней всей «Барселоны». С точки зрения женщин, конечно. Ты не подумай. – Стараюсь ее развеселить.

– Да ну, он слащавый какой-то. Месси – вот настоящий парень.

Соглашаюсь:

– Ну да. Месси вне конкуренции... Зато в «Арсенале» наш – Аршавин.

– Ай, – морщит нос Ирина, – да какой он наш? Наши дома играют.

– Ага, в «Кристалле»!

И мы с ней смеемся вполне искренне... Наш «Кристалл» всю жизнь пробивается во вторую лигу. Играют за него со- рокалетние мужики, больше похожие на бойцов без правил, чем на футболистов...

Расстаемся в приподнятом настроении. Я расплатился (положил в папочку две сотни, хотя счет был на сто семьдесят два), надел куртку и вышел.

Выпитые сто граммов под хорошую закуску почти не чувствовались. Точнее, опьянения нет, зато возродилась энергия для дальнейшего похода по городу... Даже не так... Утром меня выбросила из дому тоска, а теперь появилось

желание просто гулять, разглядывать знакомые здания, деревья, вывески, ворота, окна. Я словно бы хозяин, проверяющий сохранность своих владений... Теперь я готов много-словно, эмоционально говорить с Натальей хоть о поэзии, хоть о чём...

И я уверенно шагаю к тому музею, где она работает.

Раньше, помню по детству, у нас был один музей – краеведческий, да и тот со скудными экспонатами. Ценные находки увозили в столицу, что-то в Эрмитаж, а у нас оставалось ненужное... А с начала девяностых музеи стали появляться как грибы (или что там появляется словно бы ниоткуда). Музей денег открылся, музей моря, музей камня, музей игрушки, музей вина... Правда, музеями эти заведения сложно назвать – скорее уж магазины, замаскированные под музеи. В музее денег, например, есть стендик с несколькими старинными монетами и редкими банкнотами, а прочее – товар. Так же и с остальным.

Но года четыре назад открылся действительно музей, хотя тоже почти без экспонатов.

Его открытия добивались долго и трудно, с митингами и обращениями к мэру, губернатору, министру культуры... Дело в том, что в нашем городе в конце позапрошлого – начале прошлого веков жила одна художница. Наташа всегда уважительно, с благоговением называет ее по имени-отчеству – Мария Григорьевна.

В общем, жила в нашем городе художница Мария Григо-

рьевна, была знакома с кучей известных людей, считала себя ученицей Айвазовского, навещала Льва Толстого, когда тот лечился в Крыму. Но в общем жила незаметно в своем одноэтажном каменном доме на улице Десантников (как раньше называлась, не знаю), писала картины. Весной двадцатого года, когда к городу подходила Красная Армия и уже никто не верил, что ее остановят и победят, собрала свои холстики и села на пароход. Жила в Болгарии, во Франции, умерла в США в глубокой старости.

Картины Марии Григорьевны есть во многих европейских и американских музеях (в основном в запасниках), а у нас почти ничего не осталось. Это и было одной из причин, почему музей долго не организовывали (вторая существенная – в ее доме находилось государственное учреждение). В конце концов городская интеллигенция убедила, что главное – не экспонаты, а знак, что человека помнят, сделанное ею – ценят.

И теперь в четырех комнатах (залах) несколько рисунков Марии Григорьевны и два этюда маслом. А остальное – копии фотографий, писем, предметы старины (швейная машинка, керосиновая лампа, бюро, веер), морская галька...

Наташа – младший научный сотрудник, проводит экскурсии. По сути, ее экскурсии и являются главным экспонатом, без них мало что можно понять, почти ничего не увидишь... Наташа рассказывает подробно, увлеченно, с душой и заражает этим сонных, вялых туристов. Часто я присоединяюсь

к маленьким группам (большие в музейчике попросту не поместятся) и слушаю.

«Мария Григорьевна в юности была очень привлекательна. Все, кто был знаком с ней в то время, сходятся в этом, — журчит в ушах Наташин голосок, словно я уже пришел в музей и занял место среди экскурсантов. — У нас есть копия фотографии, сделанной в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году. — Наташа показывает указкой на мутно-серое пятно под стеклом, где практически ничего не разобрать. — На ней Марии Григорьевне восемнадцать лет. Фотография сделана в Ростове, во время учебы Марии Григорьевны в рисовальных классах...»

Когда Наташа с придыханием произносит «Ростов», «Москва», «Петербург», вспыхивают внутри неясные, но яркие картинки. И я пытаюсь что-то разглядеть. Но неизменно оказывается, что это просто яркость, как свет сварки, который лишь слепит... В Ростов я ездил, но не обнаружил там ничего интересного, а Москва и Петербург для меня такие же мифические места, как, к примеру, Рим, Нью-Йорк, Париж, Бильбао... Да и Наташа в Москве и Питере не бывала. Самое дальнее — в Волгограде.

«В девятнадцать лет Мария Григорьевна полюбила. — «Полюбила» Наташа всегда говорит так, что становится ясно, что полюбить — это чудо, и хочется одновременно и заскулить слезливо от того, что сам до сих пор не полюбил, и как-нибудь погано захохотать. — Она полюбила молодого корнета

Петра Сергеевича Лопушинского. Они познакомились в Феодосии, в доме Айвазовского. Их обоих, как много позднее вспоминала сама Мария Григорьевна, одновременно пронзили стрелы Амура. С самой первой встречи они не расставались, а вскоре были помолвлены. Мечтали о свадьбе. Но Петра Сергеевича отправили в Туркестанский край, где он героически погиб в бою под Кушкой восемнадцатого марта тысяча восемьсот восемьдесят пятого года. И всю оставшуюся жизнь, почти шестьдесят лет, Мария Григорьевна хранила светлую память о своем женихе».

И мне, да, судя по всему, и остальным слушающим в эти моменты кажется, что Мария Григорьевна необыкновенная, чуть ли не святая женщина, что у нее (вот именно у нее) – трагическая судьба. И нужно что-то сделать, как-то помочь, исправить или по крайней мере больше узнать о ней.

Мне нравятся Наташины экскурсии и свои чувства, которые возникают во время них; во время этих экскурсий я люблю маленькую костлявую Наташу, люблю, наверное, именно так, как неведомый (даже фотки не сохранилось) корнет Петр Сергеевич Лопушинский любил Марию Григорьевну... К сожалению, экскурсии заканчиваются, и нужно возвращаться в реальность, где любовь скорей всего хоть и возможна, но придавлена горами проблем. Вряд ли сегодня можно побежать по мелким камешкам, держась за руки и действительно счастливо смеясь, ни о чем больше не думая, кроме любви, как, если верить Наташе, делали Мария Григорьевна

с Петром Сергеевичем. Да нет, и они вряд ли были абсолютно счастливы хотя бы несколько минут, но, слушая Наташу, становишься уверенным, что да, были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.